

Россия забытая и неизвестная

Евгений Балабин

Далекое и близкое, старое и новое

«Центрполиграф»

2009

Балабин Е. И.

Далекое и близкое, старое и новое / Е. И. Балабин —
«Центрполиграф», 2009 — (Россия забытая и неизвестная)

Мемуары Е.И. Балабина «Далекое и близкое...» рисуют историю дворянского рода Балабиных, этапы становления кадрового офицера, донского казака: кадетский корпус в Новочеркасске, Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, служба в кавалерии. Суровые испытания и трагедия русского офицерства после 1917-го, преданность своим идеалам на службе России, в том числе за ее пределами, скитания по чужой земле (Турция, Чехословакия, Австрия, Чили) – все пережитое автором поможет читателю глубже понять наше непростое прошлое. Книга является 68-й по счету в книжной серии «Россия забытая и неизвестная», выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием. Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Евгений Балабин

Далекое и близкое, старое и новое

Серия «Россия забытая и неизвестная» основана в 2000 году, первая книга вышла в начале 2001 года

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собраниа

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы в Россию стало возвращаться имя еще одного белого генерала – Евгения Ивановича Балабина¹ (1880 – 1973). Его имя – в «Энциклопедии Гражданской войны. Белое движение» и справочнике «Офицеры Российской гвардии», подготовленных одним из ведущих отечественных специалистов по истории Белого движения С.В. Волковым. Генерал Е.И. Балабин неоднократно упоминается в монографии московского историка Ю.С. Цурганова «Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне», а также во 2-м выпуске сборника «Материалов по истории Русского Освободительного Движения» под редакцией А.В. Окорочкова. Однако едва ли кто-то из отечественных историков знал о том, что существуют воспоминания самого генерала Е.И. Балабина в машинописном варианте, написанные им в конце 50-х годов уже прошлого, XX века в Чили, когда наиболее яркая и активная часть жизни казачьего генерала уже осталась позади и можно было в спокойной обстановке перебрать в памяти основные события своей долгой жизни.

Как и большинство мемуаристов, генерал Балабин начинает свое повествование с истории своей семьи, ограничиваясь, правда, XIX веком, хотя дворянский род Балабиных был известен Царю Петру I. Помимо детских воспоминаний и впечатлений, автор подробно и с большой любовью описывает имение своих родителей. Читатель невольно будет сравнивать эти страницы книги генерала Балабина с описаниями казачьих усадеб в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». В этом отношении мемуары Е.И. Балабина пополняют ряд появившихся в 90-х годах прошлого века произведений других авторов – казаков, оставивших описания казачьего быта, природы и драматических и трагических событий Гражданской войны 1918 – 1920 годов на Дону, в частности, профессора Н.В. Федорова «От берегов Дона до берегов Гудзона» и доктора Н.А. Келина «Казачья исповедь». Оба автора – из донских казаков.

Однако генерал Балабин не ограничивается описанием казачьего быта и уклада жизни, он рисует быт соседей донских казаков – калмыков. В этом – несомненная новизна мемуаров.

По семейной традиции, в соответствии с которой мужчинам полагалось воинское поприще, будущий генерал поступил в Донской кадетский корпус, а по его окончании – в Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, неофициально именовавшееся «славной гвардейской школой». И снова заинтересованный читатель сможет сравнить описание службы юнкеров в Императорской России в мемуарах Е.И. Балабина с произведениями таких известных авторов, как генерал П.Н. Краснов² и писатель А.И. Куприн.

Несомненную ценность представляют те страницы воспоминаний генерала Балабина, которые посвящены службе в рядах лейб-гвардии Казачьего Его Императорского Величества полка. Читатель обратит внимание, что среди сослуживцев будущего генерала – знаменитые П.Н. Шатилов и И.Н. Оприц¹.

Интересны воспоминания генерала Балабина о Великой войне 1914 – 1918 годов, которую в России называли Второй Отечественной, по аналогии с Отечественной войной 1812 года против наполеоновской Франции.

На начальном этапе Гражданской войны, когда генерал Балабин оказался на Дону, он встречался с такими известными своими земляками, как атаманы А.М. Каледин³ и П.Н. Краснов, а также генералами Ф.Ф. Абрамовым⁴ и П.Х. Поповым⁵, сыгравшими значительную роль в истории Гражданской войны и русского зарубежья. Читаешь страницы, посвященные событиям конца 1917 – начала 1918 года, и невольно вспоминаются произведения советских писа-

¹ См. примечание 16, с. 269.

телей, более или менее объективно описывавших те же самые события – М.А. Шолохов в упоминавшемся уже романе «Тихий Дон» и А.Н. Толстой в трилогии «Хождение по мукам».

Можно сказать, что в 1918 году в жизни Е.И. Балабина наступил первый «звездный час». Сначала он командовал казачьими частями, сражавшимися против красных у Новочеркасска, затем стал членом Войскового Круга² и Донского правительства. Еще раньше, приехав на Дон из Петрограда, свое первое назначение на фронт разгорающейся Гражданской войны он получил от атамана А.М. Каледина. Генерал Балабин пишет, как в Новочеркасске, когда город был занят красными казаками Голубова, ему приходилось скрываться у незнакомых людей. Генерал П.Н. Краснов, единогласно избранный Кругом Спасения Дона Войсковым Атаманом, предложил генералу Е.И. Балабину возглавить Управление коневодства, поскольку у генерала был опыт коннозаводчика. Весной 1920 года генерал Балабин вместе со своей семьей более или менее благополучно эвакуировался из Новороссийска в Турцию. Так в жизни генерала закончился первый «звездный час». Интересно отметить, что такой авторитетный историк Гражданской войны, как Н.Н. Рутыч (Рутченко)⁶, не стал включать в свой «Библиографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России» генерала Е.И. Балабина на том основании, что в 1917 – 1920 годах он не занимал строевых должностей и не принимал непосредственного участия в боевых действиях. Как следует из воспоминаний самого генерала, участие в боях он принимал. В этом также можно удостовериться в «Энциклопедии Гражданской войны. Белое движение» С.В. Волкова.

В Турции генерал Балабин жил в Константинополе. Оттуда он выезжал на остров Лемнос, где изучал условия пребывания русских беженцев. Предполагаемая поездка в Крым осенью 1920 года сначала была отложена, а потом оказалась невозможной в связи с прорывом советских войск в Крым.

Пробыв в Турции около двух лет, генерал Балабин вместе со своей семьей уехал в Чехословакию. Начав работать воспитателем в русской гимназии еще в Константинополе, генерал Балабин и в последующие годы продолжал занимать эту должность и в русской гимназии в Моравской Тржебове³, которая считалась одним из лучших учебных заведений русского зарубежья.

В 1920 – 1930-х годах генерал находился в тени. Его бывшие сослуживцы из числа лейб-казаков, те, с кем вместе он боролся против красных на Дону, играли активную роль в русском зарубежье, и имена их были в те годы у всех на слуху. Генерал от кавалерии П.Н. Шатилов⁷ в течение ряда лет возглавлял 1-й отдел Русского Обще-Воинского Союза⁴. Генерал-майор И.Н. Оприц написал фундаментальный труд «Лейб-гвардии Казачий Е. В. полк в годы революции и Гражданской войны 1917 – 1920». Генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов в течение многих лет возглавлял 3-й отдел Русского Обще-Воинского союза. Е.И. Балабин знал генералов А.П. Богаевского⁸, графа М.Н. Граббе⁹, П.Х. Попова, которые были атаманами Всевеликого войска Донского в изгнании. Причем к П.Х. Попову Е.И. Балабин испытывал явную антипатию, в то время как к А.П. Богаевскому и графу М.Н. Граббе он относился, как свидетельствуют мемуары, не без симпатии.

Не менее интересные воспоминания оставил генерал Балабин о тех русских людях, с которыми свела его судьба в Чехословакии. Это и коллеги, педагоги, православные священники, и его питомцы – гимназисты, офицеры. Тепло вспоминает генерал Балабин пражского

² Здесь и далее в наименованиях исторических реалий в тексте сохраняется их традиционное написание. (Примеч. ред.)

³ В написании этого топонима встречаются разночтения. Наиболее распространено в воспоминаниях русских эмигрантов написание «Моравска Тржебова», этот русифицированный вариант мы и принимаем в качестве основного как самый частотный (нормативным является написание «Моравска-Тржебова», однако русское языковое сознание стремится к разделению этого слитного наименования на два компонента по модели словосочетания). (Примеч. ред.)

⁴ Этот Союз, существующий и ныне, в 2008 году, сохраняет в наши дни сложившийся ранее орфографический облик своего названия. (Примеч. ред.)

архиепископа владыку Сергия, русского офицера К.А. Ившина, донского казака Ф.М. Ерохина и многих-многих других.

К началу Второй мировой войны большинство знакомых Балабина из числа казачьих генералов Всевеликого войска Донского, сослуживцев по лейб-гвардии Казачьему полку, были людьми весьма почтенного возраста и потому не смогли активно участвовать в этой войне, тем более что в русском зарубежье, особенно среди казачества, были сильны надежды на то, что советскую власть удастся свергнуть с помощью нацистской Германии. С начала советско-германской войны генерал-лейтенант граф М.Н. Граббе, считавший себя преемником скончавшегося в 1934 году атамана А.П. Богаевского, обратился к казакам с призывом поддержать Германию. Он начал формировать свой штаб, но в силу преклонного возраста скончался в 1942 году, не успев реализовать намечаемое. Генерал П.Н. Шатилов, насколько известно, никакого участия в событиях Второй мировой войны не принял.

Именно в годы этой войны еще раз наступил «звездный час» в жизни генерала Балабина, когда он оказался активным участником развернувшихся событий. Еще в 1939 году, когда нацистская Германия расчленила и оккупировала Чехословакию, генерал Балабин был назначен немцами атаманом казаков, проживавших в Протекторате Богемия и Моравия, Венгрии, Словакии и Германии. Без предубеждений он поддержал Русское Освободительное Движение генерала А.А. Власова. Евгений Иванович принял участие в Учредительном собрании, провозгласившем в ноябре 1944 года в Пражском кремле создание Комитета Освобождения Народов России – КОНР. С 1944 года генерал Балабин был начальником казачьих формирований, а затем служил в штабе казачьих войск при штабе Русской Освободительной Армии – РОА и был членом Совета казачьих войск КОНР.

Страницы, рассказывающие об участии генерала Балабина в Русском Освободительном Движении, могут вызвать у некоторых читателей неоднозначную оценку, ибо в современном российском обществе мнения о самом Русском Освободительном Движении могут быть диаметрально противоположны. В главе «Власовское движение» автор рассказывает о своих встречах с генералом А.А. Власовым и о самом генерале пишет с явными симпатией и уважением. Пишет он и о встречах с ближайшими соратниками генерала А.А. Власова – генералами В.Ф. Малышкиным, Ф.И. Трухиным, Г.Н. Жиленковым. Тогда же в Берлине генерал Балабин встречался с атаманом П.Н. Красновым. Интересная деталь: автор дает свою оценку отношению атамана П.Н. Краснова к генералу А.А. Власову и атаману Т.И. Доманову¹⁰. По мнению генерала Балабина, негативного отношения со стороны старого казачьего атамана был достоин скорее не А.А. Власов, а Т.И. Доманов. Еще одна встреча: уже по окончании Второй мировой войны судьба генерала Балабина свела с генералом М.А. Скворцовым и полковником Е.К. Смола-Смоленко¹¹, которые воевали против красных в рядах Русского корпуса в Югославии.

Не меньший интерес, чем описание войн и революции, представляет повествование о переезде большой группы европейских эмигрантов, включая и русских, из послевоенной Европы на пароходе в Южную Америку. Если эвакуации белых периода Гражданской войны, в первую очередь из Крыма, теперь хорошо известны российскому читателю благодаря многочисленным публикациям 1990-х годов, послевоенные же переезды русских людей из Европы на другие континенты еще ждут своих публикаторов. Возможно, именно поэтому рассказ генерала Балабина о своем путешествии через Атлантический океан читается с неослабевающим интересом, вызывая в памяти страницы из романа Ж. Верна «Дети капитана Гранта». Сама же Латинская Америка в ту пору была глухой периферией мировой политики. «Пылающим континентом» она стала значительно позднее.

В 1960-х годах генерал Е.И. Балабин вернулся в Европу. Послевоенные бури улеглись. Русская белая эмиграция старела. В отношениях между западными демократиями и СССР наступал период разрядки. Поэтому старый казачий генерал уже не вызывал былого интереса у советских спецслужб. Он поселился в австрийской столице – Вене, у своей дочери Ольги, где

и прожил все оставшиеся годы. Еще при жизни он дал возможность познакомиться со своими воспоминаниями некоторым своим друзьям и знакомым. Их отзывы были весьма благожелательными.

Скончался генерал Е.И. Балабин в 1973 году. В журнале «Часовой», издававшемся в Брюсселе, в № 5 за 1974 год появился следующий некролог: «27.10 1973 г. умер в Вене Донского войска генерал-лейтенант Евгений Иванович Балабин, бывший командир 12-го Донского Генерал-Фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка, затем начальник 9-й Донской дивизии, в Белом движении член Донского правительства (Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, кадровый офицер лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка)». Единственное, о чем умолчали авторы некролога, так это об участии генерала Балабина в Русском Освободительном Движении в годы Второй мировой войны. Сам же генерал Балабин считал свое участие в РОД важным этапом в своей жизни, и едва ли можно усомниться в патриотизме и монархических убеждениях автора. Такой же точки зрения придерживались и остальные русские генералы А.А. фон Лампе¹², Ф.Ф. Абрамов, А.В. Туркул¹³, Г.В. Татаркин¹⁴ и другие, так же как и Е.И. Балабин принявшие участие в Освободительном движении. Они считали Русское Освободительное Движение продолжением Белого дела времен Гражданской войны.

Как заметит читатель, книга написана прекрасным, живым русским языком, а самому автору не изменяет чувство юмора. Текст сохранен таким, каким его подготовил сам генерал Балабин. Он же подобрал большую часть фотографий к тексту, которые теперь представляются уникальными. Это и фотографии сослуживцев по лейб-гвардии Казачьему полку и по фронту Великой войны 1914 года. Интересны и фотографии московских достопримечательностей времен хрущевской «оттепели». Генералу Балабину нужны были московские виды для тех страниц, где он описывал свое пребывание в Москве, когда, окончив кадетский корпус, направлялся в Петербург для поступления в Николаевское кавалерийское училище. Тогда он проездом побывал в Москве. В середине 1950-х годов младшая дочь генерала Лидия Евгеньевна Балабина – артистка Чешского национального театра – побывала вместе со своей труппой на гастролях в Москве. Сделанные в Москве видовые фотоснимки она выслала отцу в Чили.

Возможно, читателю будет интересно узнать, как воспоминания генерала Е.И. Балабина попали в Москву. Впервые имя генерала Балабина я услышал в Праге летом 1996 года. В чешской столице когда-то жили мои родственники, покинувшие Россию в конце Гражданской войны. Приехав в Прагу, я «с пристрастием» расспрашивал старых русских пражан о моих родственниках, а заодно и о белых офицерах и казаках, попавших в эту страну в начале 1920-х годов. Среди русских военных был упомянут и Е.И. Балабин. Мои собеседники вспоминали, что во время Второй мировой войны часто видели этого генерала на богослужении в кафедральном соборе Святого Николая Чудотворца на Староместской площади. В храм он приходил со своими взрослыми дочерьми Ольгой и Лидией. Генерал овдовел в 1935 году. Будучи в Праге, я несколько раз посещал Ольшанское кладбище и видел могилу генеральши Александры Вячеславовны Балабиной, урожденной Воробьевой. Сам же генерал во время богослужения обращал на себя внимание своей выправкой. Среди прихожан храма Святого Николая было немало недавних военных, но в случае с генералом Балабиным выправка кадрового гвардейского офицера была особенно заметна.

Тогда, в 1996 и в 1997 годах, мне рассказывали в Праге об исходе русских эмигрантов из этого города весной 1945 года. Среди покинувших Прагу был и генерал Балабин со своими дочерью Ольгой и внучкой Зоей. Ольга Евгеньевна и Зоя после войны обосновались в Австрии, а Лидия Евгеньевна осталась в Праге. После войны сотрудники советских спецслужб уговаривали Лидию Балабину написать письмо отцу в Южную Америку с предложением вернуться обратно в Прагу. Однако отец и дочь поняли друг друга. В ответном письме генерал написал

своей дочери, что он уже слишком стар и дальняя дорога из Южной Америки в Европу ему не по силам.

После второй моей поездки в Прагу летом 1997 года мне удалось списаться с внучкой генерала – Зоей Александровной Фабинской. Благодаря завязавшейся переписке и телефонным звонкам из Вены в Москву стала возможной присылка воспоминаний генерала Е.И. Балабина. З.А. Фабинской принадлежит одно интересное свидетельство о ее деде – даже в последние годы жизни, будучи в весьма преклонном возрасте, он «вел переписку с целым светом» и встречался с разными людьми. В частности, с казачьим офицером Г.М. Гриневым.

Как любой человек, генерал Балабин в своих оценках и суждениях мог быть в чем-то субъективен. В таком случае тем более интересно сопоставить его суждения и оценки с другими мнениями и свидетельствами – о том, например, что генерал В.И. Сидорин никогда не говорит правду. Или прочитав о том, что в боевой обстановке генерал А.П. Богаевский спокоен и хладнокровен. Зная, что генерал П.А. Лечицкий¹⁵ поступил на службу к большевикам, генерал Балабин тем не менее отзывается о нем с уважением, вспоминая Великую войну.

Как уже говорилось выше, на страницах этой книги проходит вереница самых разных персонажей, начиная с Государя Николая Александровича и заканчивая воспитанниками генерала из Моравской Тржебовы. Биографии одних из них хорошо известны, как, в частности, генералов П.Н. Краснова, А.М. Каледина, А.П. Богаевского, Ф.Ф. Абрамова, И.Н. Оприца¹⁶, П.Н. Шатилова, сотника Г.А. Грекова¹⁷, профессора А.А. Кизеветтера¹⁸ и некоторых других, включая генерала А.А. Власова¹⁹. Другим повезло меньше. Они не оставили такого яркого следа в истории, поэтому примечания будут посвящены в первую очередь им. Своим долгом я считаю также выражение глубокой признательности Зое Александровне Фабинской за оказанное доверие и разрешение опубликовать мемуары ее деда – генерала Балабина в России.

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт, к. и. н. (Москва)

Оглядываясь на далекое прошлое, на долгий пройденный мною путь, решил написать свои воспоминания для своих дочерей Ольги и Лидии, внучки Зои и племянника Олега.

Записываешь главное, а вспоминаешь все мелочи и в мыслях снова переживаешь всю свою жизнь.

Е. Балабин

Сантьяго-Чили

1959

Глава 1

ДЕТСТВО ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В КАДЕТСКИЙ КОРПУС. ДОНСКИЕ СТЕПИ, ТАБУНЫ ЛОШАДЕЙ, ЖИЗНЬ КАЛМЫК И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ПРАВОСЛАВИЮ

Семья у нас была большая – отец, мать, четыре брата и сестра. И умерли, до моей памяти, два брата и две сестры. Два брата были старше меня, а один и сестра – моложе. И часто гостили у нас какие-либо родственники или знакомые.

Отец мой, Иван Иванович Балабин, полковник, донской казак старинного рода, Семикаракорской станицы. Он командовал казачьим полком, одиннадцать лет служил на Кавказе под начальством донского героя генерала Бакланова²⁰, воевал с Шамилем²¹, имел много орденов. С Баклановым был в большой дружбе, и у нас, в старинном альбоме, было много фотографий, подписанных Баклановым.

Вышел отец в отставку по болезни – без палки не мог ходить и не мог ездить верхом. Это был старый, на 20 лет старше матери, человек, очень добрый и очень религиозный. Все к нему относились с большим уважением и любовью. Он жил в отдельном флигеле, так как детский шум и игры его беспокоили. К нам же в дом он приходил только завтракать, обедать и ужинать и иногда, когда были интересные для него гости. Ежедневно он долго молился, прочитывая вслух часы и всю литургию.

Когда мы, дети, или кто-либо из взрослых приходили к нему во время его молитвы, он не обращал внимания и не оглядывался.

Во время полевых работ он ежедневно выезжал в поле и давал указания приказчику. Мы, мальчишки, очень любили слушать его бесконечные рассказы о войне на Кавказе, о походах в Финляндию и Польшу и, вообще, о военной жизни. Помню его рассказ, как он на Кавказе ехал впереди сотни казаков и с двух сторон дороги, из кустов, черкесы сделали по нему два выстрела, и у одного была «осечка», то есть не разбит пистон, а у другого «вспышка» – пистон разбит, а выстрела не последовало. Не успел отец моргнуть, как оба черкеса были без головы.

Еще помню рассказ. Одно время отец был полковым казначеем, и в его ведении был денежный ящик, замкнутый и с сургучной печатью. Производилась, по закону, ежемесячная проверка сумм. Пачки денег вынимали из ящика и считали. Подсчет окончен, все в порядке, положили деньги обратно в ящик, замкнули его и запечатали. На следующий день денщик отца подает ему пачку денег, незаметно упавшую под стол, когда деньги прятали обратно в ящик.

Денщик подметал и нашел эти деньги. Этот денщик окончил службу и через два дня после этого должен был совсем уехать на Дон в свою станицу. Если бы он утаил эти деньги, он был бы богатый человек и на него никто не подумал бы, да и открылась бы пропажа только через месяц, во время следующей проверки. Отец спросил его, не было ли у него мысли утаить деньги? Денщик ответил: «На секунду была такая мысль», но вспомнил, что, когда он шел на службу, отец, провожая, говорил: «Помни, сын, никогда не бери чужого, приди нищим, приди оборванным, но приди честным».

Отец всегда говорил нам, мальчишкам: «Помните, что вы казаки, вы должны быть безукоризненно честными, храбрыми в бою и в жизни и не бояться жизнь свою отдать за Веру, Царя и Отечество. Лучшей смерти для казака не может быть, как смерть за Царя».

Моя мама, как я уже говорил, была на двадцать лет моложе отца. Когда мы были маленькими, ей было уже около сорока лет. Она была очень энергичная и деловая. Она вела наше большое хозяйство и во все входила. Вела подробную опись всего табуна (стат-бук), как пола-

гается коннозаводчику. Заботилась об остальных животных – скот, овцы, птица, свиньи... Распределяла, где какой хлеб сеять. Выписывала особые семена дынь, арбузов, и они были у нас замечательные. Бахчи сеяли две десятины, чтобы арбузов, дынь и огурцов хватило на всю дворню и на калмык⁵. Мать ездила на ярмарки, покупала все, что нужно для хозяйства. Хороших помощников не было, кроме старшего табунщика Буюндука, жившего у нас больше двадцати пяти лет, и садовника. Приказчики все время менялись.

Мама имела два шкафа с медикаментами – один для людей, другой для лошадей и остальных животных – и лечила не только своих служащих, но и соседей и, вообще, всех, кто к ней обращался, и делала это совершенно бесплатно.

Часто приходили к ней служащие с жалобами друг на друга. Она разбирала ссоры, судила, мирила, и ее решения принимались без рассуждений и без возражений.

Один раз на Цыган-Сара²² – это самый большой калмыцкий праздник, когда они напиваются аракой, которую сами варят, и скачут на лошадях, и часто, в азарте, бьют друг друга плетью, а плети у них двух сортов: одна для лошадей, легкая, из сшитых ремней и называется «ташмаком», другая для волков и людей, сплетенная из тонких ремней и твердая, как железо, – так вот на Цыган-Сара пришел калмык Санжа и жаловался, что Учур так его ударил плетью, что от плеча до поясницы рассек рубашку. «Я требую с него за рубашку 20 копеек, а он не хочет давать». И при этом повернулся спиной, чтобы показать, как у него рассечена рубашка. На спине был страшный кроваво-багровый рубец в большой палец шириной, и из нижнего конца его сочилась кровь. Мама приказала немедленно, при ней, отдать пострадавшему 20 копеек и занялась лечением этой ужасной раны.

Я родился там же, на зимовнике⁶, 22 декабря 1879 года по старому стилю в степях у реки Маныч²³. Для человека, живущего в гористой местности, степи кажутся скучными и неинтересными, но для степного жителя лучше степей ничего не может быть. Весной степи одеваются чудной травой, и всегда, сколько я помню, на Пасху вся степь покрывается тюльпанами. Их миллионы. Если вы стоите в степи, то только на десять шагов вокруг вас вы видите тюльпаны с зелеными листьями, а дальше это сплошной красный ковер на много верст вокруг, и только на некоторых местах попадаются площади желтых тюльпанов, белых, оранжевых. Накануне Пасхи мы всегда ездили в степь за тюльпанами и очень любили эти поездки. Тепло, чудный весенний воздух, очаровательная в вышине песнь жаворонка, лучше всяких соловьев, и их сотни. Здесь же плачет чибис, стараясь отвести непрошенных гостей подальше от своего гнезда с яйцами. Здесь же вертится большой кроншнеп, иногда прикидываясь раненым, чтобы погнались за ним подальше от гнезда. Весело, хорошо, степь живет полной жизнью, и, кажется, никогда не покинул бы эти места. Трава так душиста и так хороша для корма лошадей, что один ветеринар, приехавший из Центральной России, осматривая конюшню, понюхал сено и сказал: «Никогда не видел такого сена – жалко лошадям давать, сам бы ел».

Летом, в июле и августе, если нет дождей, что часто бывает в этих местах, степи выгорают и становятся желтыми, на земле появляются трещины. Конечно, траву косили, и огромные скирды сена, запас на несколько лет, стояли в определенных местах участка.

Степь простирается до реки Маныч, протекающей в трех верстах от зимовника. Маныч – небольшая извилистая речка, южный приток Дона, иногда в десять шагов ширины, а в других местах ширина ее больше версты. В Манычи горько-соленая вода, очень целебная. Весной вода разливается в целое море и имеет очень красивый вид.

Когда после разлива вода спадает, образуется целый ряд озер-лиманов, окаймленных густым высоким камышом. Между лиманами растет луговая трава, в некоторых местах высо-

⁵ Здесь и далее сохранена разговорная форма родительного падежа множественного числа «калмык» как характерная для авторской речи. (Примеч. ред.)

⁶ Зимовник – хутор в коннозаводческой степи, где табуны зимуют под крышей. (Примеч. ред.)

той закрывающая лошадь с всадником. Эту траву тоже косили, но давали только быкам и коровам. В лиманах было много водяной и болотной птицы, а в камышах скрывались волки.

Зимой степь, ровная, как стол, покрывается снегом, и, если не ставить вех, легко сбиться с дороги, особенно ночью. Один раз мама ехала с ярмарки, и ее, уже на своем участке, застигла ночь и метель. Вех не было, дорогу занесло снегом, с дороги сбились, долго крутили лошадей, разыскивая ее, несколько раз кучер слезал и прощупывал ногами дорогу. Наконец он сказал: «Барыня, измучили лошадей, не видно ни зги, куда ехать, не знаем, пустим лошадей идти, может, чутьем найдут дорогу». Пустили. Вскоре лошади остановились. Кучер сошел с саней и говорит: «Какая-то глубокая канава, надо здесь заночевать, кутайтесь хорошенько, чтобы не замерзнуть». А когда утром начало рассветать, путники и лошади, засыпанные снегом, увидели, что стоят у канавы своего собственного сада и до дома осталось несколько сот шагов.

Весной снег в степи обыкновенно быстро тает. Балки, сухие летом, сразу наполняются водой и обращаются в бурные реки. Вода несется с такой быстротой, что переехать балку невозможно, и путешественники нередко ждут дня два, пока вода протечет. У нас говорят – «балки играют».

Длинные осенние вечера мы обыкновенно сидели в столовой, и каждый занимался своим делом. Мама вязала или шила, а мы, дети, слушали бесконечные рассказы отца и горели желанием воевать, бить французов и немцев и, вообще, быть героями. Часто все играли в лото. Я не любил эту игру, но заставляли играть, и я иногда засыпал за столом, и соседи передвигали пешки на моих картах.

Но часто поздней осенью или зимой вдруг раздавался вой волка. На зимовнике полный переполох. Собаки, а их во дворе было около двадцати штук, спешили спрятаться по всем стрехам и закоулкам. Комнатный пес, чистокровный английский пойнтер, старался забраться под кровать. Мы, дети, сидевшие на диване у стола, сразу поджимали ноги под себя, боясь, что волк уже и под стол заберется. Но несколько выстрелов кого-либо из взрослых отпугивали зверя, нарушившего покой.

Но иногда волки молча являлись на зимовник, перескакивали кирпичный забор, высотой выше роста взрослого человека, на баз, хватали овцу и, взвалив ее себе на спину, вместе с овцой перепрыгивали этот высокий забор и уходили в степь. Иногда, прежде чем утащить овцу, резали, как у нас говорят, еще две-три на запас – это манера волка – и уже с одной уходили. Конечно, собаки чувствовали приближение волка, поднимали вой и панику, но выскочившие люди не успевали предупредить нападение, и, когда являлись с фонарями на место происшествия, уже все было окончено – находили на земле кровь, пару зарезанных овец и дрожащее стадо.

В Манычи, на горке, стояла дикая груша. Часто, в сумерки, волк садился возле этой груши и выл на разные голоса. Казалось, что воет не один волк, а несколько. Калмыки говорили, что волк, перед тем как идти на «работу», молится Богу...

Донское Войско²⁴, по соглашению с государственной властью, на известных условиях отводило для коннозаводчиков огромный округ по реке Маныч. Каждый коннозаводчик ежегодно от каждого участка в 2400 десятин за небольшую плату должен был сдавать в ремонт кавалерии определенное количество лошадей. Мы сдавали ежегодно по 40 лошадей. За каждую непринятую комиссией лошадь коннозаводчик платил штраф. Обыкновенно штраф взимался, но коннозаводчик должен был на следующий год пополнить не сданное в этом году количество лошадей.

Табун круглый год ходил на подножном корму, и даже зимой лошади, разгребая снег, находили обильный корм. Во время гололедицы или очень большого снега для корма раскидывали сено по снегу. Если замечали, что лошадь худеет, ее отделяли и ставили до весны в конюшню. И таких у нас за зиму из пятисот лошадей было не больше двадцати. Называли их

«худорбой». Плодовых жеребцов на зиму всегда ставили в конюшню. Поэтому у нас было две конюшни – одна для жеребцов, другая для упряжных лошадей.

С началом весны табун разбивали на косяки и каждый косяк вручали жеребцу. Он и пас своих маток, и в определенное время пригонял их на водопой. Табунщики только смотрели, чтобы косяки не смешивались (да этого не допускали и жеребцы), а главное, чтобы жеребцы не дрались, так как во время драки они наносят друг другу страшные раны. Драки бывают часто, когда жеребец увидит матку, бывшую в прошлом году у него в косяке и теперь переданную в косяк другому жеребцу.

Косяки весной представляют собой исключительно красивое зрелище. Матки беспрекословно слушаются своего жеребца, когда он перегоняет их с одного места на другое. И как приятно смотреть на жеребят, когда они скачут вокруг своих матерей или гоняются друг за другом.

Отвечает за табун старший табунщик. Все табунщики калмыки²⁵. Сосед, коннозаводчик В.Я. Корольков, попробовал завести русских табунщиков, дал им лошадей с седлами, но они, пробыв у него несколько дней, на этих же лошадях и удрали, а калмык имеет семью, собственную кибитку, которую не так легко собрать и увезти, и никуда не сбежит.

Каждый коннозаводчик имел рогатый скот, овец, свиней, птицу и имел право пахать и сеять хлеба сколько ему угодно. Тракторов тогда не было, и все пахали на волах. У нас хозяйство было сравнительно небольшое: сеяли десятин сто. Рогатого скота было штук двести, из них дойных коров было немного больше двадцати и овец тысяча штук. Сосед, В.Я. Корольков, сеял тысячу десятин и имел тридцать тысяч овец. У нас на зимовке все внимание было обращено на лошадь и хозяйством занимались как подсобным делом, чтобы прокормить рабочих и служащих.

Гусей, уток, кур, индеек у нас было множество, и ни мать, ни заведующая птичней не знали, сколько чего. Помню, как-то перед вечером мы пили чай на открытой веранде, а гуси, никто не пас их и не смотрел за ними, возвращались со степи к птичье и, как полагается гусям, шли гуськом. Мама насчитала их сто три. Но часть гусей шла другим путем через пруд, сзади дома, и еще часть ночевала на берегу у пруда.

Питались мы дома бараниной, птицей и дичью. Редко свининой, а быка резали только под Пасху и под Рождество. Баранина, благодаря прекрасным кормам, была замечательной, как на Кавказе знаменитые карачаевские барашки. Российская баранина даже не напоминала нашу донскую.

Но Великий пост держали очень строго. За все семь недель поста нам, малым детям, никогда не давали не только мяса, но даже молока, масла. Зато как мы чувствовали Пасху! К заутрене мы, к сожалению, не могли ездить, так как ближайшая церковь была от нас в тридцати верстах. А святить куличи, пасху, яйца и прочее заранее посылали туда кучера.

Подготовка к Пасхе – целое событие: стряпали, варили, жарили, красили... Пальцы у нас, детей, были выкрашены во все краски, и мы ухитрялись покрасить не только яйца, но и «айданчики» – косточки, которые у нас на юге заменяют российские бабки.

Как-то младший брат, Филипп, ему было около пяти лет, в Страстную пятницу лизнул глазурь на куличе. Мы были в ужасе: оскоромился, – и я не сводил с него глаз, боялся, что с ним будет что-либо ужасное. Этот же Филипп, будучи в 1-м классе кадетского корпуса, десяти лет, отказался в Великий пост есть скоромное. А в корпусе в Великий пост постились только на первой, четвертой и Страстной неделях. А в остальные недели поста постное давали по средам и пятницам. Филиппу стали готовить во все дни поста. К нему присоединились еще человек пять – ели только постное.

На Пасху приходила в дом христосоваться вся дворня, и нас заставляли христосоваться со всеми. Всем мы давали по красному яичку. Приходили поздравлять с праздником и калмыки со словами «Христосн Воскресн!» – всегда почему-то прибавляя на конце букву «н». С ними не христосовались, но каждый получал кусок неосвященного кулича и стакан водки.

Скотарь Минько приходил поздравить несколько раз в день и всегда так напоздравлялся, что потом засыпал под забором. Узнавши раз, что Минько лежит под забором пьяный, мама приказала запрячь лошадь и отвезти его домой в кибитку, в 500 шагах от дома. Приказчик говорит: «Это невозможно, он непременно упадет с дрог, его не удержишь, надо отвезти верхом». Привели оседланную лошадь, с трудом посадили его в седло, и он, не приходя в сознание, благополучно доехал до кибитки. Лошадь, конечно, вели.

На Пасху на две недели нам во дворе устраивали качели, и мы целые дни качались, подлетая до небес. Как-то к нам подошел табунщик Путатек, а по-русски, он всем говорил, – Ефимка. Ему было лет тридцать. Это был лучший наездник, легко справлявшийся с самыми злыми «неуками». Сел он на доску верхом и, как всегда, рассказывает анекдоты, высмеивая кацапов. А мы с Филиппом стоим по краям доски. Сначала слушали спокойно, а потом, перемигнувшись, начали раскачивать качели. Путатек испугался и начал кричать: «Ей-бог остановите, ей-бог остановите». Увидевши, что он чуть не плачет, мы остановили качели. Сойдя с них и переведя дух, он сказал: «Никогда в жизни не сяду на вашу качель, лучше объезжу сто «неуков», чем пять минут на этот качель».

Чабана, который пас овец, звали Никита Шестопал. У него на руках и на ногах, между мизинцами и безымянными пальцами, выросли совершенно нормальные шестые пальцы. Чтобы нам доставить удовольствие, он иногда приносил в дом только что родившегося ягненка, и мы не спускали его с рук, гладили, ласкали.

Еще был забавный столяр Петр. Ему брат Владимир заказал рамку для фотографии, где были сняты мы, четыре брата. На рамке он вырезал буквы «В.Б.». Я спросил брата, зачем он вырезал на рамке свое имя? Брат ответил: «Это фантазия столяра, и это не Владимир Балабин, а «Все братья».

На Рождество нам устраивали елку, но так как за елью надо было ехать сто верст до Новочеркасска, то брали сухое дерево и обматывали его зеленой надрезанной бумагой в виде бахромы – получалась зеленая елка, и когда ее завешивали, в изобилии, игрушками, золотыми орехами и прочим, то выходило совсем хорошо. Комната, где украшалась елка, замыкалась, и нас, детей, до определенного момента туда не пускали. Мы подсматривали в замочную дырочку.

У нас было два сада: малый, в 200 метров длины и 30 ширины, и большой, в десять десятин. В малом стояли два дома, баня, было много фруктовых деревьев, кусты сирени и роз и многочисленные цветники, к которым мама имела особую страсть. Клумбы цветов с трех сторон окаймляли дом, а между роз и цветов стоял стол, где мы завтракали и пили чай. Обедали в доме: уж очень жарко было летом.

Чтобы попасть в большой сад, надо было перейти по гребле⁷ через пруд. В большом саду были целые плантации яблок, груш, вишен, слив, абрикосов, масса крыжовника, смородины. Цвела большая аллея роз, разбиты были парники. Была и целая роща «чернолесья» – дуб, клен, карагач и другие деревья – у нас долго жил замечательный садовник. Он великолепно делал прививки, прививал груши к вербе, они были горькие и несъедобные, но гости удивлялись, видя на вербе груши. Некоторые переманивали садовника от нас, давая ему в два раза больше жалованья, но он не уходил. Любил этот садовник парники и на Пасху всегда угощал, например, редиской, огурцами, дынями. Недостаток его – он очень любил кошек, и около его шалаша в саду их было штук пять. Когда весной прилетали соловьи, кошки их моментально уничтожали.

На нас, мальчиков, мало обращали внимания, и мы делали что хотели. Требовали только, чтобы мы вовремя приходили к обеду, полднику, ужину.

До десяти лет главным нашим развлечением была верховая езда. Меня первый раз посадили на лошадь (старый на пенсии жеребец Шанхай), когда мне было три года. Конюх водил

⁷ Гребля – здесь: плотина, насыпь. (Примеч. ред.)

лошадь, а няня шла рядом и держала меня за ручонку. Я хорошо помню этот мой первый выезд. В пять лет мы уже свободно скакали на лошадях и уезжали в степь, куда хотели. Родители никогда не волновались и не думали, что с нами может быть какая-нибудь неприятность.

Как-то раз поехали на бахчу – старший брат Николай, я, Филипп и пятилетняя сестра Лиза. Я ехал верхом, они в тарантасе. Нечаянно набрали арбузов так много, что в тарантас сесть и одному человеку было невозможно. Решили идти две версты пешком, а сестренку посадили на моего коня. Шли мы за тарантасом, увлеченные рассказом брата, и вдруг слышим какой-то писк. Оказалось, что лошадь под сестренкой, увидевши в стороне косяк лошадей, повернула к ним, а Лиза, не умея управлять лошастью, кричит ей – «не туда».

Вспоминаю, когда мне было лет пять, я играл во дворе с детишками рабочих. Меня позвали обедать. Дети говорили: «Скорей обедай и приходи». На третье подали манную кашу. Торопясь к ребятам, я сказал: «Я не люблю манную кашу, можно мне встать?» – «Встать раньше старших не смеешь, а каша очень вкусная, с вареньем». – «Не хочу каши». – «Ну сиди, жди, пока мы будем есть». Сидя за столом, я задремал с открытым ртом. Мама, смеясь, положила мне в рот ложку каши. Я проглотил и сказал: «Очень вкусно, дайте мне». Но каша была уже вся съедена.

Один раз заехал к нам, по пути, купец Мокрицкий, живущий в 30 верстах от нас в станице Платовской, и пригласил нас, ребят, приехать к ним в гости. Родители без всяких разговоров разрешили эту поездку. Мне было 8 лет, Филиппу 6 ¹/₂. Мы просили маму рассказать нам дорогу, а мама сказала: «Заезжайте в табун, вам калмыки расскажут». Через несколько дней после этого, пообедав, мы поехали к Мокрицким. Заехали в табун, а там как раз была выучка «неуков», которых старались немного подвездить, чтобы они были смирные. На «неуков» табунщики садились по очереди. Их было у нас 6 – 7 человек. Старший табунщик Буюндук накинул арканом дикую лошадь и, взяв аркан под стремя, держал ее. Другой табунщик спешился и, придерживаясь за аркан, осторожно подошел к ней, взял за уши, надел уздечку, чумбуром (ремень от уздечки) закрутил губу и стал тянуть. От страшной боли лошадь уже ничего не чувствует. Тогда накладывают на нее седло, подтягивают подпруги и на лошадь садится очередной табунщик. Освобождают губу и быстро все отбегают. Несколько мгновений лошадь стоит неподвижно, но боль быстро проходит, и лошадь чувствует страшную незнакомую тяжесть на спине, а на животе – подтянутые подпруги и начинает бить. Она бьет задними ногами, поднимается на дыбы, иногда падает на землю и сейчас же вскакивает и, вообще, всеми силами старается сбросить седока. Надо бить ее плетью, чтобы она поскакала – «понесла». Когда она устанет, переходит на рысь и шаг. Тогда постепенно приучают поводом идти в ту сторону, куда надо.

В описываемом случае табунщик-калмык, ему было лет 17, а на вид примерно 12, не удержался, упал прямо головой вниз и лежал неподвижно. За лошадью поскакали, а на упавшего не обращают внимания. Я говорю Буюндуку: «Он убится, его надо поднять». Буюндук отвечает: «Не убится, а совестится встать». И так он лежал, пока поймали лошадь и привели. Старый калмык подошел, толкнул его в бок ногой и крикнул: «Вставай, коня привели». Калмычонок встал, сел на лошадь и больше уже не падал.

Мы расспросили дорогу и поехали. Надо было доехать до зимовника Подкопаева, там переехать мост и ехать дальше направо. Но еще не доехали до Подкопаева, как разразился страшный ливень. Мы карьером бросились к зимовнику и там завели лошадей в сарай. Хозяева, узнав, что мы Балабины, пригласили в дом, хотели угощать и уговаривали остаться ночевать, так как через двадцать минут будет уже темно. Но мы не послушались разумного совета и, как только дождь перестал, поехали дальше. Вскоре наступила ужасная тьма, все небо оказалось покрыто тучами, не видно было и ушей лошади, на которой сидишь. Едем как будто по дороге, но ведь степь ровная, как стол, и куда едем, не знаем. Наткнулись на каких-то рабочих, идущих пешком в том же направлении. Они стали расспрашивать нас: кто мы, куда едем и зачем? «Как

же вы не боитесь? Ведь недавно разбойники напали на одного барина, ехавшего на тройке, выпрягли лошадей и увели, а он остался в экипаже один в степи». – «А где же станица Платовская?» – «Да вы так по этой дороге и приедете туда. Проводили бы вас, да нам надо в сторону». Едем, тьма, наехали на какую-то стену, повернули вдоль стены, попали опять на дорогу, а темень непроглядная, и нигде ни одного огонька. Приехали к какой-то речке, которой не должно быть. Брат говорит: «Подождем, пока вся вода протечет». Посмеялись и решили ехать в воду. Оказалось, что речка образовалась от недавнего ливня. Приехали к какому-то дому, где много рабочих укладываются спать на ступеньках крыльца. Спрашиваем: «А где живут Мокрицкие?» – «Да это их магазин, а калитка в их сад сбоку». Начали стучать, и нам открыли, накормили и уложили спать, удивляясь, что таких малых детей отпустили на ночь за тридцать верст. Но если бы меньше смотрели в табуне на выучку «неуков», мы приехали бы к Мокрицким засветло. Обратно мы ехали без приключений. Дома смеялись над нашим путешествием.

Первый раз меня взяли в Новочеркасск, когда мне было семь лет. Тогда я и железную дорогу увидел первый раз – и то издали. Когда мы ехали по городу в коляске, я увидел, как крошка кадет стал во фронт генералу, я был в восторге и решил быть непременно кадетом.

В это время была страшная засуха. Несколько месяцев не было дождей, земля потрескалась, было душно. В Новочеркасске, на главной улице, при большом стечении народа, служили молебн, прося у Господа Бога дождя, и еще не окончился молебен, как пошел дождь и люди стали разбегаться и прятаться. Это произвело на меня большое впечатление – я почувствовал Бога.

Старшие братья и гостившие у нас дяди – все были охотниками. Дичи по прудам и Манацким⁸ лиманам было много, и охота всегда была удачная. Почти всегда они брали с собой и нас, мальчиков, но до десятилетнего возраста стрелять не давали. Мы часто служили им вместо собак – доставали из воды убитую утку, нагоняли в степи дроф и стрепетов и другую добычу.

Учить меня начали, когда мне было около семи лет, я все время приставал к матери с просьбой учить меня. Раз мама, чтобы отвязаться от меня, была занята, дала мне газету, показала букву «У» и велела подчеркнуть все буквы «У». Я долго смотрел на газету и сообщил матери, что в газете больше нет ни одной «У». Мама посмеялась и показала мне, как надо искать. Через несколько дней я знал уже все буквы и складывал их. Потом появились на стенах комнаты всякие слова, меня выбрали и запретили показывать свою грамотность на стенах.

Когда я еще не поступал в кадетский корпус, старший брат Николай был уже офицером, второй брат, Владимир, учился в реальном училище, а мы с младшим братом, Филиппом, росли неразлучными друзьями. Дома, в комнатах, мы никогда не сидели – все время на воздухе, в саду, в поле, на пруду. Ежедневно посещали конюшни, кузню, столярную, кухни. Набегавшись, мы приходили домой к обеду грязные, мокрые и должны были мыться и переодеваться.

Как-то зимой мама не хотела нас отпустить во двор после обеда. «Опять пойдете на пруд и вывалитесь там, да и опасно, уже начинается таяние». Мы дали слово, что на пруд не пойдем, но когда вышли из дома, то сами ноги так и потянули нас к пруду. Пруд был покрыт льдом, но в нескольких местах, где были родники, во льду были маленькие отверстия, и, когда идешь возле этого отверстия, из него фонтанчиком выскакивает вода. Мы стали по бокам одного фонтанчика и по очереди начали прыгать, наблюдая, как высоко выскакивает вода. Потом, чтобы она выскочила еще выше, мы сговорились прыгнуть одновременно. Прыгнули и провалились под лед. На берег мы выкарабкались, было неглубоко, но сразу же, в один голос: «А обещались маме на пруд не ходить»... Что же делать? Идти сушиться на кухню нельзя – сейчас же донесут маме. И мы решили раздеться догола, развесить все мокрое на заборе и подождать, когда высохнет. Мороз к вечеру стал усиливаться, а мы совершенно голые, босиком, бегали вдоль забора по снегу. Наконец брат говорит: «Я больше не могу, я замерзаю». Бросились одеваться,

⁸ См. примечание 23, с. 272.

а рубаху нельзя надеть – замерзла в лубок. Кое-как оделись и, как будто ничего не случилось, паиньками, скромно пришли домой. Вскоре брат прилег на кровать и я тоже. Удивленная мама спрашивает: «Почему легли? Ведь никогда днем не ложились?» Попробовала голову – жар, приказала горничной раздеть нас, а та сейчас же: «Барыня, да они совсем мокрые». Поме-рили температуру – около сорока. Пришлось покаяться и рассказать все подробно. Но через несколько дней мы были совсем здоровы, бегали по двору, но к пруду уже не подходили – началось таяние.

У каждого из нас был свой аркан, и мы, изображая из себя табунщиков, накидывали все, что можно, – столбики в саду, друг друга... Но все это казалось не так интересно, и мы начали тайком загонять на баз телят, которые паслись, конечно, отдельно от коров, и накидывали их. Один из нас по очереди был старшим табунщиком и, накинувши теленка, держал его, а другой, воображая, что это злой «неук», осторожно подходил к теленку, брал его за голову, как делают табунщики, валил на землю и таврил, а так как тавра у нас не было, то мы слюнями рисовали на бедре тавро, мокрое присыпали пылью, и, когда теленок вставал, еще некоторое время видно было тавро. Некоторые телята, почувствовав на шее аркан, кричали. Тех мы не трогали, так как на крик теленка являлась какая-либо баба, а их во дворе было много, ругала нас, выгоняла телят на траву пастись и жаловалась матери.

Один раз мама куда-то уехала, рабочие были в поле, всех баб взяли в большой сад поли-вать капусту, и мы с братом остались во дворе одни. Вздумали накидывать свиней, которые свободно бродили по всему обширному двору. Свиней накидывать трудно, так как свинья низ-кая и всегда держит голову вниз почти до земли. Но вот мне удалось накинуть поросенка. Он поднял такой крик, что свиньи со всего двора начали сбегаться. Уже не было времени снять аркан, и мы спрятались в кухню, захлопнув двери и держа конец аркана в руках. Свиньи угро-жающе хрюкали, а мы сидели, как в крепости, и не знали, что делать. Наконец решили бросить аркан в надежде, что свиньи отойдут, а взрослые потом снимут аркан и возвратят его нам. Но свиньи не расходились, и осада продолжалась. Надо было прорываться сквозь осаждающего противника. Мы выскочили и побежали. Надо было пробежать до забора малого сада шагов двадцать. Я чуть задержался, чтобы закрыть двери кухни, и за эту секунду чуть не пострадал. Брат благополучно добежал до сада и перескочил через забор, а меня догнал кабан, носом подкинул в воздух и, когда я упал на четвереньки, начал рвать на мне рубашку. По счастью, в это время проходил садовник и выручил меня из беды. Больше мы свиней не накидывали. Но один раз, когда мы пили чай на веранде, а поросенок подошел к самому крыльцу, я прыгнул с крыльца на поросенка, схватил его и начал прижимать к забору, поросенок поднял страшный писк, и свиньи со всего двора бросились к крыльцу. Мама крикнула: «Спасайся!» – и я вбежал на крыльцо.

Как-то у нас гостил троюродный племянник Степа, мальчик недоразвитый и не совсем нормальный. Он был года на три старше меня. Поехали мы кататься на лодке и посередине пруда, не сговариваясь с братом, начали раскачивать лодку. Степа, городской мальчик, испу-гался и начал кричать, чтобы мы не шалили. Это нам показалось так забавно, что мы стали раскачивать еще сильнее и перевернули лодку. Степа в испуге вскарабкался на дно лодки и уже думал, что совсем погибает, едва мы уговорили его, что не так глубоко, что мы стоим на земле. Лодку перевернули, придвинули к берегу, вычерпали воду, а сами разделись, выжали мокрое, разложили на траву, и на летнем солнце моментально высохло. Приплыли домой. Степа гово-рит: «Не говорите тете» (то есть моей маме). Мы, конечно, сейчас же все рассказали. А за обедом я говорю Степе, как будто по секрету, но он понимает, что и мама слышит: «Не скажу маме, что ты перевернул лодку и чуть нас не утопил». Степа страшно возмутился, хотел оправ-даться, но мама, смеясь, сказала: «Не смущайся, Степа, они над тобой смеются. Я знаю, что лодку перевернули они, зная, что в том месте неглубоко и безопасно. А теперь лето – не про-студитесь».

Летом мы, братья, спали на полу на открытой веранде и утром, проснувшись, не шли к умывальнику, а прямо раздетыми проходили через садик 30 шагов и купались в пруду. За день мы купались несколько раз. Иногда в этом же пруду ловили удочкой рыбу.

Один раз мама куда-то уехала, и мы остались одни. Конюх конюшни, где зимой стоят жеребцы, замкнул конюшню и уехал ночью в хутор Литвиновку в пяти верстах от зимовника. От невыясненной причины конюшня загорелась. Все бросились на пожар, но конюшня была замкнута огромным замком, и сбить его не удалось. Соломенные крыши конюшни и соседних сараев вспыхнули, как порох. Сгорела конюшня с пятью лошадьми, сгорели два сарая и стоящие здесь же три деревянных амбара с хлебом. Несколько раз загоралась крыша птичника, что недалеко от дома, и уже мы вдвоем с братом вскакивали на крышу и гасили огонь.

Один раз, поздней осенью вечером, мы спокойно играли в лото. Мне было лет шесть. Вдруг во дворе раздался лошадиный топот, как будто въехал эскадрон. Тьма была непроглядная. Дядя схватил ружье и выскочил на балкон. Я с Филиппом за ним, несмотря на крики мамы: «Куда, назад!» Во дворе человек тридцать калмык верхом. Дядя подозвал одного и спросил: «В чем дело?» Калмык извинился за беспокойство и сообщил, что они приехали воровать невесту у калмык на Жеребковском участке, так как от нас легче всего проехать к этим кибиткам, отстоящим от нашего зимовника шагов на триста. Вскоре калмыки поскакали туда. Когда мы вернулись в столовую, дядя смеялся над нами: «Вот вы свысока смотрите на калмык и особенно на калмычек, считаете их ниже себя, но вот калмыки могли схватить вас на балконе, а они предпочли воровать калмычку, значит, калмычка лучше вас». Помню, нам это было очень обидно.

Обычай воровать невесту остался у калмык до последнего времени. Это гораздо дешевле, чем справлять свадьбу. Обыкновенно невеста знает, когда придут ее воровать, и готова к этому, но родители ее не знают. Воры потихоньку входят в кибитку, привязывают родителей к кровати и тогда поднимают невесту. Она обязана кричать и делать вид, что она не хочет уезжать. Родители вскакивают, садятся на лошадей, которые всегда есть стреноженные у кибитки, и гонятся за похитителями. Если догнали – жених здесь же, в степи, немедленно должен угощать всех водкой, и тогда считается, что свадьба состоялась. Если водки нет – жениха избивают плетью и невесту отбирают.

Раз украли калмычку и у наших калмык, причем родители так крепко были привязаны, что сами не могли освободиться.

А одну красивую калмычку, дочь Буяндука, украли без ее согласия. Она сейчас же убежала от жениха и три дня пряталась, голодная, в камышах. Несколько раз приезжал жених справляться, где же его невеста, но никто не знал. Через три дня она явилась к родителям худая, измученная, еле живая.

Платовская станица раньше называлась хутором Гремучим. Там был очень глубокий колодезь с прекрасной водой, в глубине которого всегда был какой-то гром. По преданию, этот колодезь был построен Иаковым. Населена была Платовская станица исключительно калмыками, и было там только две семьи русских – купцы Мокрицкие и Гаврицкие. В этой станице жил и главный на все войско Донское и Астраханское калмыцкий архиерей старик Бакша⁹ Аркад Чубанов. При нем много было гилюнов (священников), которые ходили во всем красном – ряса, шапка, сапоги. Еще больше было низших духовных лиц – манджиков, которые ходили в черном.

Бакша Аркад Чубанов был образованный человек, очень богатый и пользовался уважением не только калмык, но и русских. В Платовской станице было два хуруля (церкви).

⁹ Бакша – настоятель, старшина среди калмыцких жрецов. Бакша – нарицательное имя существительное, однако в тексте последовательно употребляется с начальной прописной буквой, по-видимому, в знак особого почтения к духовному лицу. (Примеч. ред.)

Купцы Мокрицкие и Гаврицкие решили около священного для православных колодца построить церковь. Когда об этом узнал Бакша А. Чубанов, он явился к Мокрицкому и Гаврицкому и просил их не строить церковь, предлагая купцам большую сумму отступного. «Почему не строить?» – «Если будет православная церковь – калмыки будут переходить в православие, а мне, как их высшему духовному лицу, это нежелательно». Купцы отказались от отступного и, из уважения к А. Чубанову, обещались церковь не строить.

Как-то я, уже во время Гражданской войны, с женой и дочерьми был в Платовской станице на калмыцком празднестве. Толпы нарядного, в национальных костюмах народа. Калмычки в роскошных цветных парчовых платьях. Широкие юбки до полу, косы в футлярах. Большие палатки, у одной палатки, на возвышении, Будда.

Вдруг слышались резкие пронзительные звуки. Гилюны парами, в своих красных одеяниях, с длинными серебряными трубами, шли процессией к Будде и трубили так страшно, как будто в день Страшного суда. Остановились около Будды, читались какие-то молитвы. Бакша из серебряного сосуда лил около Будды какую-то жидкость на металлический шар. Все время произносились молитвы. Масса калмык, съехавшихся на праздник из соседних станиц и хуторов и из зимовников, сидели прямо на траве, и у каждого в руках были небольшие узелки. Все это происходило на воздухе, рядом с хурулем, кружек для сбора пожертвований не было, и деньги клали на ограду, окаймлявшую хуруль¹⁰, и прилегающий к нему двор. Эти деньги после службы собирали назначенные для этого гилюны¹¹.

Когда Бакша Аркад Чубанов умер, купцы решили церковь строить.

Для освящения места для церкви пригласили епископа из Новочеркасска – 150 верст. Железной дороги тогда в наши степи не было, и архиерею пришлось это расстояние ехать в экипаже. Окружной атаман Сальского округа, не зная, как будут калмыки реагировать на православное богослужение в их станице, прислал туда для охраны сотню пеших казаков. В день освящения казаки оцепили площадь и внутри круга, где стоял аналой с крестом и Евангелием, пускали только православных. Началось богослужение, благополучно окончился молебен, но, когда начали прикладываться к кресту и Евангелию, калмыки толпой прорвали оцепление, бросились к архиерею и, падая на колени, целовали низ его ризы, а одному удалось протиснуться к аналою, и он поцеловал крест.

Бакша Аркад Чубанов оказался прав. Многие калмыки начали переходить в православие, некоторые поступили в духовную семинарию и сделались священниками. Русские не любили ходить в церковь, когда служил священник-калмык, но все-таки ходили, а исповедоваться у калмыка ни за что не хотели. На это мне лично жаловался один священник-калмык.

Между прочим, Аркад Чубанов, совсем перед смертью, послал телеграмму отцу Иоанну Кронштадтскому²⁶ в сто слов. Содержание телеграммы неизвестно, но отец Иоанн Кронштадтский прислал в ответ только одно слово «поздно».

Воинскую повинность калмыки отбывали так же, как и казаки, так как приписаны были к казакам. Они служили в казачьих полках на собственных лошадях, в собственном обмундировании и в полку получали только казенную винтовку и металлическую пику. А когда пики в полках были деревянные, то должны были иметь и собственную пику. Калмыки хороши были в конном строю, как прирожденные наездники, но в пешем строю сильно отличались от казаков. Почти у всех калмык ноги были несколько искривлены дугой. Это было от постоянной езды верхом с раннего детства, а отчасти и потому, что у калмык принято было носить ребенка не так, как их носят русские и, вообще, все народы, а одна нога ребенка на животе матери, а другая на спине, и ребенка женщина поддерживает одной рукой, другая свободна для работы. Ребенок от рождения сидит верхом на боку матери.

¹⁰ Хурул – калмыцкий, монгольский буддийский храм. (Примеч. ред.)

¹¹ Имеется в виду гелюнг, калмыцкий и монгольский жрец. (Примеч. ред.)

Грамотность среди калмык была мало распространена, но в девятисотых годах многие мальчики поступали в приходские и окружные училища, некоторые кончали гимназии или реальные училища, поступали в юнкерское училище в Новочеркасске и производились в офицеры. Некоторые оканчивали высшие учебные заведения.

Будучи еще кадетом, я расспрашивал калмыка, пришедшего по окончании службы в полку домой. «Ну как служилось? Били тебя?» – «Офицеры никогда не били, а один раз урядник ударил меня в ухо». – «За что?» – «Он скомандовал направо, а я повернулся налево, он и дал мне в ухо». – «Ну а ты что?» – «Я уже больше не ошибался». – «Сердился на урядника?» – «Нет, за что же? Я же ошибся».

Калмыки любили лошадей и хорошо за ними ухаживали. Офицеры старались в полках, где были калмыки, брать вестовыми к своим лошадям калмык.

Один офицер в 11-м полку привез из отпуска красавицу жену, позвал вестового по какому-то делу и потом, наедине, спросил его, понравилась ли ему его жена. «Нет, глаза большой, большой». Это вкус калмык. У них, почти у всех, глаза щелочками.

Когда мне исполнилось 8 лет, меня отвезли учиться в станицу Великокняжескую в пятидесяти верстах от нашего зимовника. Жил я там в семье судебного следователя и ходил в частную школу учителя Жаркова. Я страшно скучал по домашним и по зимовнику, когда как-то приехал в станицу Буюндук с «гостинцами» от мамы, я этому калмыку обрадовался, как родному. Учитель Жарков был запойный пьяница, и иногда по неделям не было уроков. Придут ученики, а некоторые и жили у него, и им говорят: «Николай Кузьмич еще болен».

В девять лет меня отвезли в Новочеркасск, в ста верстах от зимовника, к учителю Дмитрию Андреевичу Неволину, который должен был подготовить меня к экзамену в кадетский корпус. Он был учителем приходского училища, но со мной занимался отдельно и только иногда звал меня писать диктовку с учениками.

О Дмитрие Андреевиче остались у меня самые лучшие воспоминания. Жил у Неволных, как в родной семье. Хорошо меня кормили и заботились обо мне. У них был прелестный мальчик – не помню, как его звали.

Глава 2

ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В 1890 – 1898 ГОДАХ

В 1890 году я поступил в Донской кадетский корпус²⁷ в Новочеркасске, который позже, когда я был уже офицером, был переименован в Донской Императора Александра III кадетский корпус и на погонах кадет, вместо букв «Д.К.», была буква «А» с цифрой «три» под ней. Пока были буквы «Д.К.», гимназисты и реалисты читали их вместо «Донской кадет» – «Дохлая крыса».

В 1890 году в корпус было подано много прошений, но после тщательного медицинского осмотра допущено было к вступительному экзамену четыреста с лишним мальчиков. Принято было 60, я выдержал экзамен четвертым и был зачислен в первый класс, в первое отделение.

В здании корпуса было три этажа, и построен он был в виде буквы «Ш». В первом этаже помещалась 3-я сотня – младший возраст, во втором 2-я сотня – средний возраст и в верхнем этаже – 1-я сотня, старшие классы. Классы помещались в том же этаже, где были спальни. Классы были большие, светлые, теплые. В корпусе было паровое отопление.

Вдоль всех классов была большая длинная комната, куда кадеты выходили во время перемен. В этой же комнате стоял большой образ в киоте, а в конце комнаты была лестница и турник. В этой же комнате часто происходили строевые занятия.

Спальни были большие – на 150 кроватей. У каждой кровати тумбочка и в ногах табуретка. В начале дортуара – комната для дежурного воспитателя.

В нижнем этаже был гимнастический зал и рядом с ним фронтальный зал, в котором были спевки хора и уроки музыки на всех инструментах – духовых и струнных. Рояли стояли в других комнатах.

Во втором этаже, кроме классов и спальни, была учительская комната, физический кабинет и большая столовая, в которой обедали одновременно все кадеты корпуса – около 450 человек.

Три дежурных воспитателя всегда обедали одновременно с кадетами, и присутствовал всегда один из командиров сотен.

Из столовой был вход в церковь, и часть посторонней публики, не помещавшейся в церкви во время богослужений, стояла в столовой. Церковь была очень уютная, с мраморным иконостасом. Были красивые образа.

Выше столовой, на третьем этаже, был большой Сборный зал, в котором устраивались парады, концерты, балы. Там же были уроки танцев и занятия с пиками. Из Сборного зала был вход на хоры церкви, и через эти хоры надо было идти в лазарет, под лазаретом была квартира директора корпуса. Командиры сотен жили недалеко от спален, а все преподаватели и воспитатели жили на частных квартирах.

Перед зданием корпуса был огромный плац с аллеями по краям и в середине. На этом плацу производились парады, устраивались Олимпийские игры и прочее.

С другой стороны здания был парк, в котором размещалось помещение для шелковичных червей. На царских вратах нашей церкви была занавесь из собственного шелка.

Недалеко от парка была запущенная Краснокуцкая роща. Прогулка в эту рощу была для нас праздником, но водили туда очень редко, так как на эту прогулку надо было потерять много времени, а его не было. Вся жизнь шла строго по расписанию, и пропускать уроки, конечно, было невозможно, я был в Краснокуцкой роще за семь лет обучения в корпусе только два раза.

Первое время здесь я очень скучал. В станице Великокняжеской и в Новочеркасске у Дмитрия Андреевича Неволкина я жил в семье, со мной были очень ласковы и обращались как

со своим. Здесь же я был чужой для всех, и сердце у меня сжималось. Помню первую ночь. Проснулся, понял, что я не дома, и так мне стало грустно, но от воспоминания, что сейчас я надену военную форму и гимнастерку с погонами, мне стало веселей. Вскоре я освоился с новой жизнью, и мне стало легче. Вставали мы в шесть часов утра (в праздники в семь). За десять минут до утренней зари трубач играл «повестку», по которой должны были вставать дежурные. Ровно в шесть утра игралась «заря», и с последним звуком трубы из воспитательской комнаты, здесь же в спальне, выходил дежурный воспитатель и громко командовал: «Вставать». Все сто с лишним кадет сразу принимали вертикальное положение, садились и начинали одеваться. Никто не смел задержаться лежа ни одной секунды. Быстро вставали, одевались, чистились, умывались и шли в зал перед классами строиться у сотенного образа. Приходил воспитатель, осматривал каждого кадета – руки, уши, шею, сапоги – и командовал: «На молитву». Дежурный читал молитву, некоторые молитвы пели и потом строем шли в столовую. Когда все три сотни были в столовой, дежурный кадет 7-го класса по команде «На молитву» читал «Очи всех на Тя, Господи, уповают». После этого все садились и пили чай с французскими булками. По пятницам вместо французских булок давали серый хлеб с маслом.

От побудки до конца чаепития проходил час. От 7 до 8, в классах, – повторение выученных вчера уроков. От 8 до 11 три урока, и также, строем, – в столовую, завтракать. Завтрак всегда был очень хороший – одно блюдо, но очень сытное. После завтрака час строевых занятий и еще два урока до 3. От 3 до 4 прогулка. В 4 обед и опять прогулка до 6. От 6 до 8, в классах, при воспитателях, приготовление уроков к завтрашнему дню. Потом строем шли на вечерний чай и опять в зал перед классами, где перед сотенным образом читалась и пелась вечерняя молитва, после которой 1-й и 2-й классы шли спать, а с 3-го класса и старше разрешали заниматься до 10 часов.

Кроме общепринятых предметов, в корпусе преподавали «ручной труд», столярное дело и музыку на всех струнных и духовых инструментах. В корпусе были прекрасные оркестры – струнный и духовой. Я играл в оркестре на скрипке, мой брат Филипп – на кларнете.

Первый год в корпусе я занимался очень мало, так как постоянно лежал в лазарете. Больше месяца я пролежал со «свинкой», много раз была ангина с высокой температурой и прочее. До поступления в корпус я, кроме кори в легкой форме, когда мы, дети, все сразу заболели, никакими болезнями не болел, а в корпусе по месяцам не выходил из лазарета. Маме посоветовали взять меня на отдых и до экзамена не допустили. Я остался на второй год. В следующие годы я, кажется, ни разу не болел.

В лазарет ежедневно сообщали из классов, какие уроки заданы на следующий день, но большинство, зная, что завтра не спросят, этих уроков не учили и, конечно, отставали. Был и специальный воспитатель – лазаретный войсковой старшина Вениамин Иванович Котельников. Он смотрел, чтобы кадеты не шалили и чтобы, как и в классах, от 6 до 8 все учили уроки. Старшие часто к нему обращались с просьбой решить задачу и выбирали потрудней. В.И. Котельников охотно это делал, иногда долго сидел на задачей и потом вскакивал и кричал: «Решил-с, решил-с».

Доктор был Николай Васильевич Баженов – очень симпатичный и всеми любимый. Он хорошо относился к кадетам. Иногда принимал в лазарет на сутки и, отпуская, спрашивал: «От какого урока ушел?»

Потом войсковой старшина Котельников стал просить, чтобы ему дали на один год сотню кадет, чтобы иметь право быть произведенным в полковники. Ему дали 3-ю сотню, самых маленьких. Он откомандовал ею год, был произведен в полковники и не хочет сдавать сотню, его просят, а он не уходит. Не помню, как окончилась эта история, но как командир сотни младших кадет он был вполне хорош.

При мне командиром 3-й сотни был полковник Трусевич. Мало мы с ним соприкасались – приходил он к нам, когда надо было кого-либо выругать.

Командиром 2-й сотни был полковник Качура. Очень симпатичный, в некоторых классах он преподавал русский язык.

Командиром 1-й сотни был полковник Пантелеев. Строгий и на вид суровый. Преподавал в 7-м классе законоведение. Его боялись и очень уважали. Называли его Пантюшей. У него была привычка всегда держать в руках перочинный ножичек. Иногда он приглашал к себе в гости некоторых кадет старшего класса, угощал их и даже не возбранял у него курить.

Вообще же, за курение в корпусе сажали под арест на 10 часов. Курение считалось большим проступком.

Один раз, когда я был во 2-м классе, на перемене между уроками, когда все дети бегали в зале возле классов, вдруг неожиданно в сопровождении директора явился грозный войсковой атаман генерал князь Святополк-Мирский²⁸. На его приветствие, хотя не были в строю, дружно ответили: «Здравия желаем Вашему сиятельству». Потом он громко сделал замечание директору, что некоторые первоклассники неправильно держат пальцы по швам: «Вы не стесняйтесь сажать ваших воспитателей под арест, если что-либо не так». Потом вдруг крикнул: «Садись!» Сразу все сели на пол, где кто стоял. «Ну, дисциплина у вас есть. Встать». Все вскочили, и грозный атаман ушел.

Потом узнали, что в этот же день он объехал все учебные заведения, даже женскую гимназию и институт, и на всех нагнал страх и трепет.

Большинство преподавателей я уже не помню. Но в общем преподавательский персонал был очень хорош. Прекрасные были математики Николай Иванович Дьяков и Лимарев. Прекрасно объясняли, все было ясно и понятно. Н.И. Дьяков, войдя в класс, молча пройдет несколько раз от дверей к окнам и обратно, потом стукнет пальцем по столу со словами: «Ну, внимать». И опять молча пройдет по классу. Остановится, посмотрит на всех и как бы с сокрушением скажет: «Никто не слушает». – «Да ведь вы еще ничего не говорили», – возразят ему. «Да, ничего не говорил, потому что не слушаете». После этого начинал объяснять урок.

У Н.И. Дьякова был прелестный крошечный сын, кадетик 1-го класса. Его взрослые кадеты сажали на шкаф и, когда он, чуть не плача, просил снять его со шкафа, велели кричать: «Я синус, мой отец косинус». После этого его отпускали.

Еще преследовали кадета Ушакова за его длинный нос и звали его бекасом. Все встречающие его считали своим долгом схватить его за нос. Через некоторое время он обратился к воспитателям с просьбой запретить кадетам хватать его нос, а то от этого на носу уже начали расти волосы¹².

Лучшим моим другом в корпусе был Вася Котельников. Он был на один класс старше меня и отлично учился. Помню, когда я был в 1-м классе, нам задали написать сочинение – «Памятный день в моей жизни». До тех пор я никогда сочинений не писал и не знал, как к этой работе приступить. Я рассказал Васе свой памятный день и просил написать это сочинение. Вася написал, но мне не понравилось, что он изменил характер нашей Манычи, и я сочинение переделал. Преподаватель на полях сделал замечание: «Написано хорошо, но невозможный период в тридцать строк». Вася упрекал меня: «Зачем же ты переделал?»

Вася Котельников жил в станице Великокняжеской и как-то летом приехал к нам на зимовник в гости, я пробовал пристрастить его к охоте, но безуспешно. От ружья он отказался и заявил, что птичек убивать не будет, а только посмотрит, как я буду охотиться.

Сидим у лимана в кусте камыша, ждем полета уток, и Вася что-то рассказывает. Я пригибаюсь и говорю: «Не шевелись, летят утки, если налетят, буду стрелять». Но это его совершенно не интересует, и он продолжает рассказывать совсем не относящееся ни к летящим уткам, ни вообще к охоте. По окончании кадетского корпуса Вася Котельников поступил в

¹² Так у автора. (Примеч. ред.)

Инженерное училище, и мы потеряли друг друга. Во время Гражданской войны я встретил его в Новочеркасске, он был генералом инженерных войск.

В эмиграции мы переписывались. У него не в порядке было сердце, но он с семьей благополучно перелетел в Нью-Йорк из Германии и через несколько дней, сидя спокойно в кресле у себя в садике с газетой в руках, скоропостижно скончался. Остались пожилая вдова и дочь – инженер-строитель.

Замечательным в корпусе был законоучитель отец протоиерей Ляборинский²⁹. Он обладал даром слова и так хорошо рассказывал и объяснял, что его уроки были наслаждением. В церкви служил он также прекрасно.

Географию любили. Преподавал ее войсковой старшина Лепилин. За грубый голос его прозвали солдатом.

Невыносима была минералогия. Добрый симпатичный преподаватель, но на уроках его никто не слушал, было скучно, и многие ставили на бумаге палочки, когда он скажет «так сказать». И таких «так сказать» было очень много.

На уроках рисования долго рисовали по клеточкам, потом по точкам, потом орнаменты и уже в конце рисовали модели рук, ног и другое.

Историю преподавал Н. В. К. Изводили его ужасно. Многими куплетами воспевали его в нашей «звериade». «С утиным носом и в очках, без шеи, толстый и горбатый и на искривленных ногах». По числу учеников в классе писали самые глупые вопросы, которые каждый должен был задать в течение урока. Например: «Ваша жена – англичанка или американка?» Жена у него была русская. «За что вы получили Георгиевский крест?» Н. К. никогда не был на военной службе... Высмеивали его привычку говорить «ну-с?». Когда кадет, отвечающий урок, остановится и не знает, что говорить дальше, В. К. говорит: «Ну-с?»

«Звериада» воспевала в стихах все начальство и потому тщательно скрывалась, но однажды она была обнаружена, и господа педагоги ничего не придумали лучше, как прочесть ее вслух на ближайшем педагогическом совете. Один кадет плохого поведения, думая, что на этом педагогическом совете его исключат из корпуса, и желая знать, что о нем будут говорить, заранее незаметно спрятался за портьеру. Только за один этот поступок он подлежал бы исключению, но все прошло для него благополучно.

Читал «звериаду» помощник инспектора классов Генерального штаба подполковник барон Крюденер³⁰. Все воспитатели и преподаватели молча, без возражений, выслушали пасквиль на себя. Только директор в ответ на стих

Прощай, Романс, ты в жизни светской

Актрис своих не забывал

И в дар одной от брюк кадетских

Полулампы оторвал...

сказал: «Какой вздор, я только исполнил Высочайший приказ». Раньше у казаков лампы были шириной в три пальца, а после этого приказа стали в полтора пальца. Но гимназисты и реалисты в Новочеркасске продолжали носить лампы прежней ширины. Этот приказ их не коснулся.

И еще на «звериаду» возразил Н. В. К. На стих, где высмеивали его привычку говорить «ну-с», он сказал: «Это вздор – я никогда не говорю «ну-с». Барон Крюденер остановился, думая, что Н. В. К. еще что-либо скажет, и Н. К., заметив это, обратился к нему: «Ну-с». Все громко рассмеялись.

Француз, статский советник Гаушильд, был милейший человек, но совсем не выучил нас французскому языку, и, кто знал французский язык до поступления в корпус, здесь его забывал. Я был хорошего поведения, никаких поступков нехороших за мной не было, но один раз, когда я был в 6-м классе, француз Гаушильд поймал меня читающим на его уроке «Анну Каренину». Эту книгу дал мне воспитатель с условием не читать на уроках. Книга из фундамен-

тальной библиотеки. Гаушильд рассердился и со словами «Запишу в журнал» отобрал книгу. Весь класс начал просить Гаушильда: «Не записывайте, Балабин хорошего поведения, и вдруг запись, оставят воскресенье без отпуска». Видно, что и Гаушильду не хотелось записывать, но как выйти из положения? Наконец один кадет догадался: «Ведь Балабин переводил «Анну Каренину» на французский язык». – «А, на французский язык? – Гаушильд захлопнул журнал и ко мне: – Расскажите «Анну Каренину» по-французски». Мне и по-русски трудно было бы рассказать, ну а по-французски я, конечно, ничего не мог сказать. Опять спас голос из класса: «Балабин стесняется дать отзыв о такой женщине, как Анна Каренина». – «И такие книги читает кадет». – «Да ведь это замечательное произведение знаменитого Л.Н. Толстого». В это время сигнал из классов: «Всадник – перестань, отбой был дан, остановись». И Гаушильд, как всегда, быстро выскочил из класса, не успевши меня записать.

Кроме фундаментальной библиотеки, в каждой сотне были свои библиотечки, которыми заведовали, по назначению воспитателей, сами кадеты. Выдавали эти книги каждый день после уроков и в этот же день сдавали их перед вечерними занятиями около шести часов вечера.

Был в корпусе хороший преподаватель гимнастики Захаров. Гимнастикой увлекались, и кроме прекрасного гимнастического зала в каждой сотне была лестница и турник. На каждой перемене можно было упражняться, и многие достигали больших успехов.

Физику очень любили. Преподаватель Попов хорошо объяснял, показывал много опытов, но вместо «стекло» говорил «стякло» – так его и прозвали.

Весь год в 5-м классе учили церковнославянскую грамматику. Ее не любили, но преподаватель Ратмиров на первом уроке сказал: «Я вам обещаю, что все вы будете хорошо знать церковнославянскую грамматику, но некоторые, благоразумные, будут сразу ее учить, она совсем не трудна, а некоторые выучат после многих неприятностей, неудовлетворительных отметок, наказаний и прочего. Советую об этом подумать». И действительно, все выучили.

Воспитателем у меня был в первых пяти классах поручик, а потом подьесаул Орлов, а в 6-м и 7-м классах – войсковой старшина Власов. Оба были очень хорошие. Орлов любил читать наставления и выговоры и иногда читал их по полчаса. Спросили кадета Захаревского: «Что он тебе так долго говорил?» – «А я не слушал, я смотрел в землю и читал «Отче наш».

Много у нас было воспитателей не казаков, пехотных офицеров, и они вели кадет только до 5-го класса включительно, так как в шестых и седьмых классах, где были уроки верховой езды и занятия с пиками, воспитателями были казаки.

Производство у воспитателей было у обер-офицеров через два года, а чин войскового старшины давали через три года. Этим карьера кончалась. Чтобы быть произведенным в полковники, надо было получить сотню кадет. Сотен же было только три, а воспитателей пятнадцать. Когда откроется вакансия? Когда дождешься, чтобы командир сотни ушел и освободил место?

В полках производство обер-офицеров через четыре года. В штабс-капитаны попадали через восемь лет. В чине штабс-капитана тоже надо было пробыть четыре года и тогда ждать очереди, когда освободится рота, чтобы быть произведенным в капитаны. Иногда эту роту штабс-капитаны ждали больше десяти лет. И если штабс-капитан получал роту раньше, он все равно не мог быть произведенным в капитаны, пока не прослужит штабс-капитаном четыре года. В кадетском корпусе офицер, произведенный в полку в поручики и поступивший в кадетский корпус, за семь лет производился в подполковники, когда его товарищи в полку были только штабс-капитаны. Но возвращаться в полк, обогнав своих сослуживцев в полку, воспитателям не разрешалось.

Инспектором классов в корпусе был полковник артиллерии Линевиц, симпатичный и очень строгий. Помню случай: звонков в корпусе не было – вся жизнь была по кавалерийским сигналам двух трубачей, которые отбывали воинскую повинность, служа в корпусе. По классам, после перемены, играли «сбор» («Сберитесь, сомкнитесь» и т. д.), а из классов на перемену –

«отбой» («Всадник – перестань, отбой был дан, остановись»). Один раз трубач дал отбой на 20 минут раньше времени. Инспектор спустился на несколько ступеней по лестнице и строго трубачу: «Почему раньше времени дал сигнал?» – «Обмяшулился, Ваше высокоблагородие». Инспектор, не казак, не слышал раньше казачьих выражений, расхохотался и возвратился в инспекторскую.

Помощником инспектора классов был Генерального штаба подполковник барон Крюденер. Он ушел из строя потому, что ему на изысканиях, где-то в Памире, свело шею, и он уже не мог оставаться в строю.

Директором был генерал-майор Анчутин³¹ – очень воспитанный, гуманный, заботливый. Он оставил после себя самую хорошую память. Он поощрял музыку, пение, устраивал концерты... При нем в корпусе прекрасно пел хор и был отличный оркестр. Помню такой случай: раньше переход из класса в класс происходил только по экзаменам. По годовым отметкам стали переводить позже, когда я был уже офицером. Второклассники очень боялись экзамена по арифметике, и вдруг на экзамен явился сам директор генерал Анчутин. Слабо знающие арифметику совсем перепугались. Директор, не вызывая к доске, как экзаменовали до прихода, стал задавать вопросы разным ученикам. Спрошенный вставал и отвечал с места; проэкзаменовав так минут двадцать, директор сказал: «Спасибо, дети, вижу, что все знаете хорошо, все выдержали экзамен и сегодня за отличные ответы все получите по апельсину». Мы, конечно, были в восторге.

Преподавателем пения и музыки был Иван Яковлевич Жихор. Он был большой труженик. Терпеливо разучивал вещи на спевках и только иногда, рассердившись, кричал: «Дисканты, дисканты, как пьяные бабы на подушках». В классе проходили теорию музыки по его программе. Иван Яковлевич вызывал и ставил отметки. Часто пели классом, и, чтобы не мешать соседним классам, он уводил свой класс или в столовую, или в Сборный зал. Учитель хорошо играл на виолончели, на скрипке и на всех духовых инструментах и успешно управлял хором.

Оркестром балалаечников управлял воспитатель, войсковой старшина Смирнов. Он же свирепо преподавал бой на эспадронах¹³. Во время вольного боя никто не мог нанести ему удар, так ловко он защищался, один раз мне удалось его ударить. Он крикнул, рассвирепел и буквально избил меня. Он так свирепо наносил мне удары по голове, что от маски летели искры... Преподаватель боя на рапирах был спокойнее – не помню его фамилии.

Езду преподавал в каждом отделении свой воспитатель. Лошадей приводили из местной казачьей команды. Урок езды, конечно, очень любили. Надевали высокие сапоги до колен и чувствовали себя совсем взрослыми кавалеристами.

Войсковой старшина Смирнов лечил заик. Был кадет Захаров, который страшно заикался. Когда он плохо знал урок, то у доски он только заикался и ничего нельзя было разобрать из того, что он говорит. И еще очень заикался, когда его разозлят. Войсковой старшина Смирнов так его вылечил, что Захаров на музыкально-вокальном концерте говорил длинное стихотворение ни разу не заикнувшись.

Концерты мы очень любили. Певчие и состоящие в оркестре имели право пригласить на концерт своих знакомых, а я, как состоявший и в хоре, и в оркестре (на скрипке), имел всегда два пригласительных билета. В церковном хоре я пел только до 5-го класса, а потом был прислужником в церкви, в светском хоре пел во все время нахождения в корпусе, сначала дискантом, а потом тенором.

Оркестр играл так хорошо, что некоторые не верили, что играют только кадеты, думая, что среди кадет есть переодетые музыканты из воинского оркестра.

¹³ Эспадрон (*фр. espadron*) – учебное оружие, колющее и рубящее, с несколько изогнутым (наподобие сабли) или прямым клинком, применяемое в фехтовании. Длина клинка обычно 90 см. (*Примеч. ред.*)

Певчих иногда водили в город на концерты приезжающих знаменитостей. А один раз, когда я был во 2-м классе, всю 3-ю сотню водили в городской театр на «Велизария». Я был очарован и долго жил под впечатлением этого представления. Это было мое первое посещение театра.

Как-то приехал и жил в помещении корпуса знаменитый артист Славянский со своим хором. Он был приятелем нашего директора. Славянский давал концерты и в городе, и у нас, а один раз кадетский хор пел под управлением Славянского, который и запевал. Некоторые его песни до сих пор у меня в памяти.

Как-то ходили в город, в цирк, посмотреть знаменитого Дурова¹⁴. Самое большое впечатление произвел на меня номер с козлом: на арене в маленький экипаж запряжена собака. На арену важно выходит козел. Дуров приказывает ему сесть в экипаж. Козел не желает. Дуров силой хочет его посадить – козел упирается и не идет. Дуров начинает бить его, но без результата. Дуров отходит от козла, минутку задумывается и вдруг говорит: «А ведь я забыл, что теперь со всякой скотиной надо обращаться вежливо». Подходит к козлу, расшаркивается и, сняв свой цилиндр, говорит: «Господин козел, будьте добры, сядьте в экипаж». Козел, важно тряхнув бородой, сел по-человечески в экипаж, и собака повезла его по арене под страшные аплодисменты.

В городе жили две мои старенькие тетушки, и у них жили их родственники – Гриша и Степа. Я и брат по праздникам, после литургии, ходили к ним до 8 часов вечера. Гриша потом поступил в корпус и окончил его. А на Рождество и на Пасху мы всегда ездили на зимовник.

Гришу не допустили до экзамена в 1-й класс, так как его отец двух месяцев не дослужил до десяти лет в офицерском чине – был убит. Подали прошение на Высочайшее имя, и на следующий год Гриша поступил прямо во 2-й класс.

Старший брат, Николай, учился в Киевском кадетском корпусе, так как в его время Донского корпуса еще не было. Один раз, кадетом 2-го класса, он ехал на Пасху домой на зимовник. Из Киева по железной дороге приехал в станицу Аксайскую, и дальше надо было ехать 120 верст на лошадях. О своем приезде он не предупредил, и лошади за ним не были высланы. Он приехал в станицу Аксайскую в Страстную субботу. Ходил по дворам и просил казаков, чтобы кто-либо довез его до зимовника. Никто не хотел под такой большой праздник уезжать из дома. Наконец один согласился довезти его до станицы Ольгинской соединенным с Аксаем семиверстным мостом через Дон... Расплатившись с этим казаком в станице Ольгинской, брат опять пошел с чемоданчиком по дворам, прося довезти его до зимовника. Никто не соглашался. Наконец один казак говорит ему: «Подожди, барчук, пойдем вместе в церковь к заутрени, потом ты у нас разговеешься, и я тебя повезу, мне надо «неука» выездить – еще ни разу не запрягал его, вот по дороге к зимовнику и выучится». Помолились, разговелись и поехали.

Необученная дикая лошадь сразу понеслась в карьер. Сначала приятно было – скорее доедем. Потом, видя, что уж очень долго лошадь скачет, брат говорит: «Надо перевести лошадь в шаг, а то запалится». – «Нет, замучается, сама остановится». Через несколько минут брат опять говорит: «Пропадет лошадь, надо остановить, я с рождения живу на конском заводе и знаю, что лошадь, да еще не втянутая в работу, не может десять верст скакать без передышки». Не желает казак слушать одиннадцатилетнего мальчика. Вдруг лошадь перешла в шаг, прошла два шага, упала и околела.

Взвыл казак. Что теперь будем делать? В праздник никто не ездит, никто не поможет. Наконец, на горизонте показывается подвода. «Видишь подводу? Может, и разбойники какие едут? Бери чемоданчик и беги скорей спрячься вон в том бурьяне». Подъехали незнакомые,

¹⁴ Дуров Владимир Леонидович, – основатель цирковой династии Дуровых, родился 8 декабря 1864 г. в Москве. В 1879 г. состоялся его дебют в балагане, где он выступал как акробат, эквилибрист, жонглер. В 1882 г. в воронежском цирке начал впервые демонстрировать дрессированных животных. (Примеч. ред.)

пьяные и начали кричать и ругать казака: «Ты что за человек, почему лошадь сдохла? Загнал, запалил?» – «Ну что же вы меня ругаете. У меня такое несчастье, а вы еще ругаете». – «А это что за шинелишка?» Пришлось признаться, что вез кадета, да он в бурьяне спрятался. «Эй, барчук, иди сюда». Расспросили брата и решают: «Мы барчука доведем до ближайшего хутора Мало-Западенского, а ты жди, отвезем барчука и тебе поможем». В Западенке ни за что не захотели взять плату и уехали. И снова брат пошел по дворам. На первый день Пасхи все пьяные, все угощают, просят разговеться, а везти соглашаются только на второй день, в одной хате спрашивают: «А вы чьи такие будете?» – «Я Балабин». – «А войсковой старшина Балабин Федор Николаевич не сродствия вам будут?» – «Это мой дядя, он сейчас у нас на зимовнике». – «Федор Николаевич на зимовнике? Сейчас поедем, иду запрягать». Все 50 верст до зимовника казак рассказывал про Федора Николаевича. «Ведь это мой командир сотни в Турецкую войну. Это командир, каких не найти, отец-командир. Как глянем на него, так сердце загорается. Один раз видим: надо бы атаковать, а командира нет, замялись и не идем. Вдруг кто-то крикнул: «Командир». Смотрим – несется карьером и шапку держит над головой к атаке. Так мы, не ожидая его, бросились на турок и всех изрубили и побрали в плен».

Когда на зимовнике подъезжали к дому, Федор Николаевич сидел на балконе, и они с казаком сразу увидели друг друга. Казак бросил и лошадь, и брата – и к Федору Николаевичу, а Федор Николаевич – к казаку. Обнимались, целовались и чуть не плакали от счастья, что Господь привел еще увидеться. Только через два дня казак уехал, его одарили всякими продуктами и, помню, дали барана.

В мое время переход из класса в класс всегда был по экзамену. Уже позже стали переводить по годовым отметкам. Экзамены у нас кончались в середине мая, и все разъезжались на каникулы, кроме шестых и седьмых классов, которые через день-два после экзаменов шли в лагерь. Хотя пребывание в лагере отнимало от нас целый месяц каникул, но мы любили наш лагерь и с удовольствием вспоминали его. Шли на вокзал в походной форме, с ружьями, через весь город и громко пели песни. Публика останавливалась и любовалась, глядя на стройные ряды кадет, а мальчишки толпой бежали по сторонам. Поезд шел до Персияновки, где был наш лагерь, полчаса. Бараки лагерные находились в огромном парке – лесу на берегу речки Персияновки. Бараки были просторные, светлые, сухие. Отдельно столовая и кухня. Была и маленькая, но очень уютная церковь.

В лагере учили уставы, название частей, сборку и разборку винтовки и строго требовали знаний, придираясь к каждому пустяку. Один кадет, вместо «рукоятка» затвора винтовки, сказал «ручка» затвора. Смирнов его прогнал со словами: «Ничего не знаете и ничего не понимаете, надо выучить – ручка бывает только у барышни, и то у хорошенькой». Производили съемку местности, знали все условные знаки по топографии и вычерчивали их. Каждый день производили пешие учения – и не маршировку, которую хорошо знали в корпусе, а маневры, оборону, наступления, перебежки, атаки и прочее. Совершали походы с ночевкой вне лагеря. Все это кадеты любили... Можно было купаться в Персияновке, причем воспитатели учили неумеющих плавать. Была кадетская лодка – катались. В этой же речке удочкой ловили рыбу.

За речкой огромное пространство занимали болгарские огороды. Болгары, непревзойденные огородники, продавали свои овощи в Новочеркасске. Любители сильных ощущений пробирались ночью в эти огороды, чтобы стащить там совершенно ненужную им морковку или луковицу, просто из удовольствия. В случае обхода воспитателя «махальный» должен был кричать по-кукушечьи, и любители острых ощущений скорее спасались в лагерь. Если воспитатель их встречал в кадетской роще, то на вопрос «откуда» отвечали: «Из «Капернауума» или «Из «Иерихона» – так назывались злачные места, расположенные далеко от барачных. Залезали и в чужие сады, но фрукты в мае были еще зеленые, так что залезали исключительно из молодечества. Были и жалобы на кадет, но виновные никогда не были обнаружены.

Один раз семиклассники нашли подбитую ворону, принесли ее в барак и решили выучить говорить слово «Чичиков», посадили ворону на кровать, окружили ее, и все начали говорить: «Чичиков, Чичиков...» Не заметили, как сам Чичиков (войсковой старшина Лепилин) подошел и громким басом: «Вы что здесь делаете?» Все вскочили и после небольшой паузы ответили: «Учим говорить вороненка». – «Выпустить в лес и не смей приносить в барак». Приказание было исполнено, а Лепилин пошел в барак к шестиклассникам и сказал им: «Меня прозвали Чичиковым, и я горжусь этим прозвищем: Чичиков был гениальным человеком».

В роще лагеря в это время – май, июнь – была масса соловьев, и все ночи напролет они, не умолкая, пели свои чудные напевы и часто не давали заснуть. Кадеты отгоняли их подальше от барачных.

По праздникам кадет отпускали из лагеря в город. От барачных станция Персияновка была в полуверсте. Возвращаясь из города, кадеты, чтобы не идти такое большое расстояние, спрыгивали на ходу поезда против главной аллеи лагеря. Железнодорожники пожаловались корпусному начальству, и нам запретили спрыгивать, а дежурный воспитатель подходил к месту, где спрыгивали, и, если кто спрыгнет, тот в следующее воскресенье оставался без отпуска.

Лагерная жизнь продолжалась месяц, и кадеты разъезжались на каникулы. Перед отъездом в отпуск, на институтском пикнике в Александровском саду в Новочеркасске, я познакомился с Похлебиными¹⁵ – матерью и дочерью, которые всегда жили в Петербурге и только на лето приезжали в Новочеркасск, где у них был собственный дом. Они просили меня приходить к ним в Петербурге, где каждую субботу у них собираются гости.

Незаметно прошли каникулы, и мы, выпускники, последний раз собрались в родном корпусе, чтобы всем вместе ехать в Петербург. Из 60 окончивших 10 отказались от военной службы и пошли в гражданские высшие учебные заведения. Несколько человек пошли в военное инженерное училище и в артиллерийские, а большая часть кадет, в том числе и я, пошли в Николаевское кавалерийское училище.

В отдельном вагоне мы выехали из Новочеркасска. С нами ехал до Петербурга один из воспитателей. В Воронеже к нашему вагону прицепили вагон воронежских кадет. Мы познакомились и сразу увидели огромную разницу между нами и воронежцами. Они рассказывали о таких проступках и проделках в своем корпусе, что нам и в голову не могло прийти что-либо подобное. Со своим воспитателем, провожавшим их до Петербурга, они обращались грубо, говорили дерзости, зная, что теперь он уже ничего им не может сделать, и удивлялись тому, что мы со своим воспитателем очень вежливы и предупредительны. Появились у них и пьяненькие. У нас вина не было, мы о нем и не думали. Дальше присоединялись и другие корпуса, а из Москвы до Петербурга почти весь поезд состоял из кадетских вагонов. В вагон посторонних не пускали, но на одной станции какая-то баба с корзинами просила разрешить ей проехать две станции. Ей разрешили. Она внимательно присматривалась к кадетам и вдруг бросилась руками на грудь лежащего с книгой в руках Захаревского. Он даже испугался: «Что ты, бабка? Что ты, бабка?» – «Да я хочу посмотреть, хрещенные вы али нет? Есть ли у вас крест на груди?» Захаревский показал ей свой крест, и бабка успокоилась. Почему мы ей показались подозрительными, непонятно. Единственно, чем мы отличались от других кадет, это лампы на брюках.

В Москве мы пробыли несколько часов. Воспользовавшись этим, мы осмотрели достопримечательности Москвы: Кремль, Царь-колокол, Царь-пушку, влезали на колокольню Ивана Великого и прочее.

¹⁵ Фамилию Похлебиных см. «Алфавитный список донских дворянских фамилий» А.А. Шумкова.

Глава 3

НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ; ЭПИЗОД С ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ

Наконец мы в Петербурге. Просили извозчиков везти нас не кратчайшим путем по Обводному каналу, а через центр города, чтобы хоть немного с ним познакомиться.

В училище нас любезно встретили юнкера старшего курса, которые год назад окончили наш корпус. Они научили нас тому, как мы должны явиться дежурному по сотне юнкеру, сообщив, что здесь такая традиция. В третьем этаже, на площадке, в папаше и при шашке сидел напыщенный юнкер Запорожцев и старался сделать строгое, начальническое лицо. Мы становились перед ним смиренно и рапортовали о прибытии, а он, отмечая в списках новых, «милостиво» делал нам легкий поклон.

В этот день мы сдали кадетское белье и обмундирование и переоделись в юнкерское, предварительно выкупавшись в бане. После вечернего чая старшие собрали всех вновь прибывших в курилку и прекрасно спели нам несколько песен. Потом заставили петь нас, новичков. Мы собрались со всех концов Великой России¹⁶, первый раз видим друг друга – и вдруг вместе петь. Но приказывают – надо выполнять. Так как донцов было больше, чем юнкеров других войск, мы спели им несколько донских песен. И сейчас же записали всех, кто был певчими в корпусах, в юнкерский хор. Регентом был очень талантливый и с хорошим голосом юнкер Пронин¹⁷.

Николаевское кавалерийское училище находилось на Новопетергофском проспекте и имело небольшой садик, выходящий на этот проспект. Нам было странно, что юнкера могут в свободное время гулять в этом садике, не спрашивая разрешения. Так это было не похоже на кадетский корпус, где без разрешения нельзя было пройти даже в соседнюю комнату.

В нижнем этаже училища была квартира начальника училища, гимнастический зал, гербовый зал, где происходили занятия пешим строем и фехтованием. Длинный коридор с оружейной комнатой посередине выходил к классам и в столовую. В оружейной комнате стояла пушка, к которой мы никогда не подходили и видели ее только по пути в классы или столовую.

Во втором этаже помещался эскадрон юнкеров-неказаков, и с средней площадки этого этажа был вход в церковь.

В третьем этаже, в трех комнатах, помещалась сотня юнкеров-казаков.

Казачьи манежи – и отдельно эскадронный – были во дворе училища.

Квартиры командира сотни и командира эскадрона располагались в отдельном здании возле садика.

Юнкера сотни и эскадрона жили каждый своей отдельной жизнью и общались только в классах.

В сотне была нормальная жизнь и дружеские отношения между юнкерами старшего класса и младшего. Спали по общему ранжиру, то есть вперемешку оба класса. Единственное различие было в том, что юнкера старшего класса курили в дортуаре, что запрещалось, для этого была специальная комната-курилка, а младшим не позволяли, иначе уж очень будет накурено и дежурный офицер это заметит.

В эскадроне было «цуканье»: юнкера старшего класса, которые называли себя «благородными корнетами», своеобразно воспитывали прибывших «зверей». Придирались за неправильно сложенное ночью белье на тумбочке у кровати. «Благородный корнет» будит ночью

¹⁶ Так у автора. (Примеч. ред.)

¹⁷ См. далее с. 58.

«зверя» и спрашивает: «Почему у нас белье сложено квадратом? Немедленно сложить «ромбом». Или, наоборот, при разговоре «зверь» должен был вскакивать перед «корнетом» и стоять смиренно. Если корнету что-либо не нравилось, он начинал командовать: «Кругом, кругом!» – и так иногда очень долго. «Звери» не смели ходить по корнетской лестнице и тому подобное. Были, конечно, и хорошие традиции, например заставляли младших выучить все стоянки кавалерийских полков и их формы, а мы, донцы, не знали, где стоят наши первоочередные полки и в каких они кавалерийских дивизиях.

Система преподавания в училище была репетиционная: на лекциях никого не спрашивали, а только рассказывали, объясняли. Ежедневно было четыре лекции от 8 до 12 дня, а два раза в неделю, по вторникам и пятницам, от 6 до 10 вечера – репетиции, на которых спрашивали всех без исключения и ставили отметки. Кто получил неудовлетворительную отметку, должен был ее исправить, то есть снова сдать эту же репетицию. Полученную отметку складывали со старой неудовлетворительной и выводили средний балл. Преподаватели были, в общем, хорошие. Проходили тактику, военную историю, топографию, фортификацию, артиллерию, администрацию, иппологию¹⁸, а на младшем курсе, кроме того, Закон Божий, русскую литературу, французский, немецкий языки, химию и механику. Химия в эскадроне считалась «сугубо» наукой, и корнеты приказывали «зверям» готовиться к репетиции по химии только в грязных манежных перчатках. Кто получал по химии единицу, при двенадцатибалльной системе, тот получал на этот вечер в эскадроне «офицерское положение», то есть мог «цукать» своих же товарищей младшего курса. Был такой случай: преподаватель ставит юнкеру пять, то есть – неудовлетворительную отметку, а юнкер просит поставить ему единицу. «Но ведь вам трудно будет исправить ее, надо будет получить не меньше одиннадцати». – «Да, я знаю, но все-таки прошу поставить единицу», а на следующий день, на перемене, я слышал разговор двух юнкеров эскадрона старшего курса: «Вот здорово цукает Гольм, мы так не сумеем».

Слышал я, но не знаю, насколько это верно, что Гольм был выдающимся офицером в одном из кавалерийских полков и отлично командовал эскадром. Были маневры, стояла страшная жара. Эскадрону Гольма приказано стать у реки и ждать противника. Долго ждали, никого нет, солдаты стали просить разрешения искупаться в реке и выкупать лошадей. «А вдруг явится противник?» – «А мы махального поставим – он предупредит, мы живо оденемся и поседлаем лошадей». Когда весь эскадрон плавал в реке, махальный крикнул: «Неприятельский эскадрон полевым галопом скачет к нам». Выскочили солдаты из реки, но, так как не было времени одеваться, Гольм с голым эскадром поскакал навстречу противнику. Лошади противника, увидев голых мокрых людей, с которых льется вода, напугались во все стороны и разбежались. Победа была полная, но Гольма отрешили от командования эскадром.

По артиллерии мы проходили в училище всю историю огнестрельного оружия, но выстрелить из пушки не сумели бы. То же по фортификации – только теория. Иппологию, то есть науку о лошади, мы любили. Мы должны были знать все косточки лошади, по зубам определять возраст, хорошо видеть все пороки и недостатки лошади, уметь ее подковать и прочее.

После 12 часов дня был завтрак – два блюда, но в кадетском корпусе одно было сытнее.

От часу до пяти – четыре часа, без перемен – были строевые занятия: езда, вольтижировка, гимнастика, фехтование, пеший строй, седловка, изучение устава. Я был сильный, здоровый человек, с детства привыкший к верховой езде, отличный гимнаст, но я так утомлялся за эти четыре часа строевых занятий, что, войдя в дортуар, валялся на кровать, чтобы хоть немного отдышаться, но это можно было себе позволить только 3 – 5 минут. Надо было умыться и строиться на обед. А ведь были юнкера и слабенькие, особенно поступившие не из детских корпусов, а из гимназий. Кубанского войска юнкер Савицкий³², небольшого роста, слабенький, на вольтижировке старался скакать по кругу, стоя на спине лошади. Сменный офицер кри-

¹⁸ Иппология (от *греч.* *hippos* – лошадь) – совокупность наук о лошади. (Примеч. ред.)

чал: «Юнкер Савицкий, делайте что-либо серьезное – я вас за трусость под арест отправлю», а Савицкий совсем был не трус, а просто устал, выдохся и уже не в силах был выделять всякие фокусы. Вольтижировка – это то, что в цирке проделывают наездники, кроме прыжков через обруч. Я потом в цирке, глядя на наездниц, сравнивал их с нами – и не в их пользу.

Юнкера эскадрона носили все одинаковую форму – драгунскую. В казачьей сотне были казаки всех войск, и каждый носил форму своего войска. Терцы и кубанцы были одеты в черкески с газырями и кинжалами и отличались только бешметами – у терцев голубой, у кубанцев красный. Степные казаки имели и сукно, и лампасы своего войска. У донцов – синее сукно и красный лампас. У уральцев – малиновый лампас и большая мохнатая папаха. У астраханцев – желтый лампас, у оренбуржцев – синий и так далее. Позже, когда я был офицером, им дали всем одинаковую форму. Но только формой и своим бытом и привычками казаки отличались друг от друга, а жили мы очень дружно, одной семьей, друг друга поддерживали, друг другу помогали. Да и вообще, где бы казаки ни встретились, они всегда будут родными братьями, и нет такой силы, которая могла бы их разъединить.

Примерно через месяц после поступления в училище в церкви была торжественная присяга на верность службы Царю и Отечеству. После присяги мы становились настоящими воинами и за крупные проступки подлежали суду по военным законам.

В это время я больше всего дружил с уральцем Щепихиным и с кубанцем Хоменко. Хоменко был великолепным знатоком лошади, и его иногда приглашали знакомые осмотреть намеченную к покупке лошадь. Но я по окончании училища не встречал его и потерял из виду. Щепихин служил в Самарканде, и с ним я переписывался. Потом он в Петербурге окончил Академию Генерального штаба и опять служил где-то в Туркестане. Встретил я его в Чехословакии, в Праге, в 1934 году. Это был старый, больной, израненный и не совсем нормальный генерал. Встретились мы с ним как родные.

К репетициям в училище мы готовились на площадке между взводами, за большим круглым столом или на тумбочке у своей кровати, имея свечу с абажуром, чтобы не мешать тем, кто уже лег спать. Спать можно было ложиться сейчас же после вечернего чая, который был в 8 часов.

В сотне был великолепный хор, который все хвалили, особенно инспектор классов генерал Будаевский³³.

Кроме церковного хора, у казаков был светский – расширенный церковный, который пел не менее прекрасно.

В отпуск юнкеров отпускали по праздникам до 10 часов вечера, а певчих церковного хора до 12. Командир сотни полковник Дьяков доложил начальнику училища, что в сотне имеется светский хор, который хорошо поет, и надо бы и им разрешить отпуск до 12 часов. Начальник училища генерал Плеве¹⁹ сказал: «Хорошо, я приду послушать ваш светский хор». Полковник Дьяков предупредил нас: «Разучите 5 – 6 песен, только хорошо». На это испытание, с начальником училища, пришло несколько офицеров и много юнкеров эскадрона. Мы пропели больше 30 песен. Генерал Плеве был в восторге и сказал: «Спасибо за удовольствие. Можете ходить в отпуск до 12 часов, хоть каждый день». Конечно, этим разрешением мы пользоваться не могли, не было свободного времени, но сознание, что я могу пойти что-либо купить, если надо, а не посылать слугу, было приятно. Я ходил в отпуск только по субботам к Похлебиным, с которыми познакомился в Новочеркасске на прощальном пикнике. Иногда у Похлебиных собиралось до 60 человек: офицеры, инженеры, студенты, юнкера. Оканчивались журфики прекрасным ужином. Юнкеров, которым в 12 часов надо быть в училище, кормили раньше.

В училище был общий с эскадронам струнный оркестр, в котором я играл на первой скрипке, но оркестр был слабый, так как не было времени разучивать партии.

¹⁹ См. далее с. 54.

В первый год моего пребывания в училище начальником его был генерал Плеве, который на 1-й Великой войне командовал армией. Плеве был симпатичный и хорошо относился к казакам. Инспектором был строгий генерал Будаевский – артиллерист. Во время подготовки к репетициям он обходил юнкеров и, если к нему обращались, охотно помогал. В одном отделении старшего курса он читал артиллерию.

Генерал Алексеев³⁴, который в Великую войну был начальником штаба Верховного главнокомандующего Государя Императора, в одном отделении старшего класса читал военную историю. Он экзаменовал меня на выпускном экзамене.

Иппологию читал ветеринарный врач, милейший человек, его все любили. (К сожалению, забыл его фамилию.)

У меня на младшем курсе читал артиллерию генерал Христич, строгий, придирчивый. Старшие говорили, что на первой репетиции он никому не ставит больше восьми. Мне за безукоризненный ответ поставил десять, и старшие приходили спрашивать, правда ли что Христич поставил мне десять? Юнкер эскадрона Беков-магометанин давал обещание перейти в православие, если Христич умрет. Христич умер, но Беков в православие не перешел.

Химию и механику все не любили.

Посещение богослужения в церкви было обязательным для всех юнкеров. Эскадрон стоял с правой стороны церкви, казачья сотня – с левой. Стояли строем смирно, никто не смел шевелиться, никто не смел отставить ногу. Пели в церкви по очереди – одну неделю певчие эскадрона, другую – певчие казачьей сотни. Инспектор классов генерал Будаевский пробовал соединить оба хора, но из этого ничего не вышло. Когда пели казаки, церковь была наполнена посторонними прихожанами.

Командир сотни при мне был полковник Дьяков, звали его папашкой. Он был очень строгий, требовательный, отличный наездник, о юнкерах заботился, но и цукал не стеснясь. Сменным офицером был у меня подьесаул Греков, очень строгий, иногда свирепый. Звали его «шакал», а нас, его смену, «зацуканная смена». А мы вторую смену нашего же класса называли «гимназистами». Сменным офицером там был подьесаул Кузнецов. Во время революции он, переодетый, шел пешком из Ростова в Таганрог. По дороге его поймали большевики и убили. Подьесаул Греков Алексей Кириллович³⁵ хорошо учил и дал нам много, но вытягивал из юнкера все соки. Это был выдающийся офицер. Потом он, будучи полковником, командовал сотней юнкеров. Позже получил в Москве 1-й Донской казачий полк. Великую войну окончил генерал-лейтенантом, начальником дивизии и имел Георгиевский крест.

Священника звали «Корнет Жилин» или «отец Горох». Он рассказывал, что, когда был в семинарии, их кормили только горохом. «И все горох, горох, горох». Дьякон был невысокий – совершенно без слуха и с ужасным голосом. Регент входил в алтарь, на ухо давал ему тон, и дьякон повторял тон будто верно, но, выходя на амвон, ревел совсем другим тоном и в дальнейшем не мог попасть в тон... Он был очень бедный, и юнкера эскадрона ежегодно устраивали лотерею в пользу дьякона, продавали картинки, большей частью нарисованные юнкерами же. По традиции картинки должны быть обязательно неприличного содержания. Устраивали комнату, загораживая угол простынями, и впускали туда за особую плату, что там было, не знаю, не смели рассказывать, но выходящий оттуда, красный, отмахивался руками, как от чего-то ужасного. Дьякону всегда собирали больше 300 рублей, что по тем временам были большие деньги.

Был еще сменный офицер есаул Пешков³⁶, знаменит тем, что на киргизском маштачке²⁰ приехал из Владивостока в Петербург. Этот маштачок, небольшого роста, очень злой, стоял потом в царской конюшне.

²⁰ Маштак – верховой конь среднего роста с широким и крепким костяком, сильный и выносливый. (Примеч. ред.)

Был в сотне интересный сотенный каптенармус, он нам показывал, как представлял начальству принесенные от мастера 50 казачьих папах, из коих только три были форменными. Он эти три ухитрялся показать 50 раз, а другие в картонках только отодвигал по столу.

Уставши за день, юнкера засыпали, как убитые, до утра. Как-то ночью неожиданно погасли все ночники, и вдруг входят в дортуар человек двадцать, закутанных в простыни и с факелами в руках, и замечательно красиво, пианиссимо, поют «Благообразный Иосиф»²¹. Идут самым медленным шагом и тех, кто не проснулся, проходя, слегка шевелят за одеяло. Обойдя весь дортуар вдоль стены, процессия скрылась. Это традиционный «офицерский обход». На меня он произвел колоссальное впечатление, и так жалко было, что они скоро исчезли.

В эскадроне тоже ежегодно устраивался «офицерский обход», но совсем в другом роде: при полном освещении идут ряженные и поют громко что-либо пикантное.

Большим событием было, когда от казачьей сотни наряжался караул юнкеров в Зимний дворец. Во дворце юнкера стояли почетно-парными часовыми у некоторых дверей. Мы с другим юнкером старшего класса, Клевцовым, стояли почетно-парными часовыми, с вынутыми пашками, у покоев Его Величества. Перед вечером вдали, из Николаевского зала, показался Государь. Он шел в домашней тужурке, как на портрете Серова, в сопровождении плац-адъютанта и давал какие-то распоряжения, показывая на разные места зала. Мы взяли «на караул». Подойдя к нам, Государь сказал: «Здравствуйте». Мы дружно ответили: «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству». – «Вижу – вы оба Донского войска. Вы в каком классе?» Мы ответили – Клевцов в старшем, а я в младшем. «Вы первый раз во дворце?» Ответили, что оба первый раз. «Ну, желаю вам всего хорошего». И Государь прошел в свои покои. Самый незначительный разговор, но он произвел на нас очень сильное впечатление. В глазах Государя было столько доброты, столько ласки и приветливости, что забыть эти замечательные глаза невозможно. Это была моя первая встреча с Государем. Караул помещался в большом Фельдмаршальском зале, где юнкера сидели на диване. Для караульного начальника здесь же были отдельный столик и кресло. Часовые сменялись через каждые два часа. При прохождении через Фельдмаршальский зал начальства и генералов подавалась команда: «Караул вон». Юнкера вскакивали и в одну секунду выстраивались. Но если кто из начальства направлялся к караулу, подавалась команда: «Слушай на караул».

Главный начальник военно-учебных заведений Великий князь Константин Константинович³⁷, поздоровавшись с караулом, разговаривал с караульным начальником, подъесаулом Соколовым. На вопрос Великого князя подъесаулу Соколову: «Пребывание в карауле Государя – ведь это для вас праздник?» – «Так точно, Ваше Императорское Высочество, а для меня двойной праздник – сегодня день моего ангела». – «Поздравляю Вас». Попрощавшись с подъесаулом Соколовым, Великий князь обратился к караулу со словами: «До свидания». Караул дружно ответил: «Счастливо оставаться, Ваше Императорское Высочество». Интересно, что ровно через год, в этот же день, подъесаул Соколов опять был в карауле во дворце и Великий князь Константин Константинович, поздоровавшись с караулом, пожимая руку Соколову сказал: «Поздравляю Вас со днем ангела». Какая память!

Большим событием был приезд в училище Государя Императора, который раз в год посещал каждое военное училище. Приезд Его Величества всегда был неожиданным. Занятия не прерывались. Государь обходил смены езды, вольтижировки, пешего строя, гимнастики, фехтования и прочее. Везде благодарил, и, казалось, Его Императорское Величество всем был доволен. Перед отъездом, как всегда во время своих посещений, объявлял три дня отпуска, прощался с начальством и шел к саням. В это время уже всякий строй и порядок нарушались.

²¹ Пением тропаря «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое тело» начинается утренняя Великой субботы, которая служится обычно в пятницу вечером и посвящена воспоминанию о погребении Иисуса Христа и пребывании его тела в гробу. Тропарь положен на музыку Д.С. Бортнянским и П.И. Чайковским. (Примеч. ред.)

Все гурьбой стремились к саням, лезли на полозья саней, с боков, сзади, на козлы к кучеру, куда только возможно и невозможно. Государь улыбался и приказывал кучеру ехать шагом, но, проехавши около квартала, просил всех идти домой, говоря, что поедет быстро.

На Рождество, за дальностью расстояния, я не мог ездить в отпуск на зимовник и потому отправлялся в Чернигов к тетке, маминой сестре, у которой там был собственный дом. Мама тоже к моему приезду добиралась до Чернигова. Мы вместе ходили в собор, прикладывались к мощам святого Феодосия Черниговского³⁸, у которых совершались чудеса исцелений. Время в Чернигове я провел очень приятно и весело: прогулки, вечера, танцы, театр... В театре раз среди аплодисментов раздались крики: «Фрумкин, Фрумкин, ми вам говорим бис»...

Мои казачьи лампасы производили фурор. Раньше Чернигов никогда не видел казаков. Пехотные солдаты становились во фронт. Их учили – раз лампасы, значит, генерал.

На Пасху я тоже был в Чернигове. Не доезжая до города, один еврей предупреждал: «Берегите карманы. На всю Россию известны ростовские жулики, но там у меня ничего не пропало, а здесь у меня вытащили бумажник с деньгами».

В Великий пост все юнкера обязательно должны были говеть²². К говению я отнесся самым серьезным и добросовестным образом, хотя это было время подготовки к экзаменам и трудно было уделить время на что-либо. И вдруг во взводе, где все занимались, крик: «Господа, я не успеваю, у меня совсем нет времени на исповедь, пойдите кто-либо за меня – ведь батюшка не знает наших фамилий». Отозвался оренбуржец Г.: «Я хотя уже исповедался, но могу пойти еще раз – батюшка интересно исповедует». Сначала я думал, что это глупая шутка, но оказалось, что все это действительно произошло, юнкер Г. рассказывал, что батюшка встретил его словами: «Говори только серьезные грехи, а если будешь говорить, что папу, маму не слушал, так это я и без тебя знаю». Г. сказал: «Я не верю в Бога». – «Я же тебе сказал, чтобы говорил только серьезные грехи, что же ты мне глупости говоришь?» – «Я думаю, батюшка, что это серьезный грех». – «Хорошо, что ты это считаешь серьезным грехом, но подожди, вот если случится с тобой какое несчастье, то так уверуешь, что на коленях будешь вымаливать у Господа прощение».

Экзамены прошли благополучно, и начинались взводные и сотенные учения на плацу против училища, а иногда выезжали и на Марсово поле. Выезды на Марсово поле нам очень нравились – так приятно было проехаться верхом по городу.

Вскоре был знаменитый и замечательный майский парад, подробности которого я буду описывать, когда подойду к рассказу об участии на этом параде уже офицером в лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку.

Через несколько дней после парада эскадрон и сотня походным порядком выступили в лагери. Впереди колонны ехал новый начальник училища генерал-майор Машин³⁹, который перед этим сменил генерала Плеве⁴⁰.

Лагери наши, и лагери других военных училищ, расположены на берегу красивого, большого Дудергофского озера. У нас были большие хорошие бараки, отдельно для эскадрона и отдельно для сотни, в которых свободно помещались все юнкера. Командиры эскадрона и сотни и все офицеры жили в отдельных домиках. Была общая для всех столовая. Недалеко от столовой – караульное помещение, в котором хранился штандарт училища. Конюшни стояли в стороне, ближе к озеру.

Первый месяц в лагере мы занимались «полуинструментальной» съемкой под руководством преподавателя топографии. Он показал нам только триангуляцию²³. Когда мы сдали свои работы, нам позволили произвести «глазомерную» съемку. За обе работы ставили отметки.

²² Говеть – поститься, ходить в церковь, готовясь к исповеди и причастию. (Примеч. ред.)

²³ Триангуляция – треугольник (от лат. triangulus); – вычисление углов и протяжений методами тригонометрии (построением последовательного ряда треугольников). (Примеч. ред.)

Съемку мы очень любили. Чувствовалась полная свобода: никто в это время за нами не смотрел. Некоторые юнкера ухитрились познакомиться с дачниками. Так как со съемок мы приходили только к обеду, с собой нам давали бутерброды, которыми мы могли подкрепиться часов в 12. Некоторые сразу съедали свои бутерброды, не дожидаясь полдня, и приходили к обеду голодные, как звери.

Дудергоф – это красивейшая дачная местность в часе езды от Петербурга. Две больших горы, покрытых лесом, у подножия которых расположены дачи и прекрасное Дудергофское озеро, на противоположном конце которого – лагеря военных училищ.

По вечерам многие дачники катаются на лодках. Юнкерам тоже разрешали кататься до определенного часа. Каждое училище имело свои лодки, и на лодках должен был быть флаг училища. По сигналу «Апель» – «в свои места скачите» училищные лодки должны были немедленно возвращаться домой в лагерь. Очень часто наш казачий хор вечером собирался на берегу и пел песни. Лодки с дачниками подплывали к берегу – иногда несколько десятков лодок – и часто аплодировали певчим. Недалеко от нас был лагерь офицерской кавалерийской школы. От них тоже иногда приходил офицер благодарить хор за прекрасно исполненную ту или другую песню. Все это нас поднимало и воодушевляло.

Перед бараками, на главной аллее, у «грибка», мы по очереди несли дежурства. Как-то раз вскоре по приезде в лагерь я стоял у «грибка» на этой аллее, и вдруг рано утром появляются дама в амазонке и офицер на английском седле. Перед бараками стояли наши препятствия – вал, канава, хворостяной барьер и чухонский деревянный забор. Дама первая идет галопом на эти препятствия и, красиво сидя на коне, их все чисто берет. За ней взял эти препятствия и офицер. Потом я узнал, что это были Петр Николаевич Краснов, будущий наш войсковой атаман и писатель, и его супруга⁴¹.

После съемок до обеда проходили эскадронные и сотенные учения, а после обеда – боевая стрельба на стрельбище 2-й гвардейской пехотной дивизии.

Когда курс стрельбы был закончен, после обеда занимались глазомерным определением расстояний (пешим по конному) и интересным подрывным делом, на котором, кроме взрывов мостов и других объектов, учились телеграфному делу, и я совсем свободно мог передавать телеграммы по азбуке Морзе.

Конные учения на военном поле мы очень любили и в этом достигали больших успехов. На смотр конного учения приехал Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом Великий князь Владимир Александрович⁴². Он остался очень доволен учением и благодарил нас.

После этого началась полевая служба – разведка, охранения и тому подобное, а в конце июля – общие маневры всех войск Петербургского округа. Для нас, казаков, это был уже сплошной праздник – воевать мы любили и умели. В это время еще разрешалось брать «неприятеля» в плен и, значит, гоняться друг за другом. Потом это было запрещено. Как-то урядник Атаманского полка в лесу уходил от наседавшего на него лейб-казака и не смотрел, куда скачет, а, обернувшись, отбивался пикой. Лошадь его наскочила на поваленное дерево, перевернулась, и атаманец был убит наповал. Ужасный случай. Этот атаманец уже окончил службу в полку и через неделю должен был уехать в свою станицу на Дон.

Маневры в этом году закончились на военном поле. Все выпускные юнкера были построены у Царского валика²⁴, где Государь Император поздравил их с производством в офицеры. В бараке на кроватях каждого произведенного уже лежала офицерская форма. Все сразу облачились, были счастливы и лица их сияли, как солнце, а мы, перешедшие на старший курс, разъехались на каникулы.

²⁴ Царский валик – насыпь высотой до 4 метров, длиной до 40, поросшая травой, на военном учебном поле в Царском Селе. (Примеч. ред.)

К 1 сентября мы возвратились в училище. Приехали из корпусов и новенькие в младший класс. Помня, как год назад нам неприятна была встреча с юнкером Запорожцевым, мы такой встречи новеньким не делали, а были для них заботливыми хозяевами.

6 сентября меня назначили исполнять обязанности взводного портупей-юнкера 1-го взвода. 20 октября меня произвели в портупей-юнкера, то есть я получил на погоны две поперечные нашивки и офицерский темляк на шашку, а 6 декабря был произведен во взводные портупей-юнкера и прибавил к двум нашивкам третью.

Жизнь в училище шла так же, как и в прошлом году. Лекции были интересные, химии и механики не было. Начальство ко мне относилось очень хорошо. Жили дружно и спокойно.

В середине года, после Рождества, я представился командиру лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка генерал-майору Дембскому с просьбой принять меня, по производстве в офицеры, во вверенный ему полк. Представился полковому адъютанту хорунжему Орлову и помощникам командира полка – полковникам Чеботареву и Курючкину. Ответ я получил только весной, после наведения необходимых справок и положительного решения общего собрания офицеров полка.

В караул в Зимний дворец я был назначен уже не часовым, как в прошлом году, а караульным портупей-юнкером, то есть помощником караульного начальника.

Приезд Его Величества Государя Императора в училище в этом году, вернее, отъезд Его Величества из училища, ознаменовался происшествием. Во время лагерных сборов юнкера могли входить в конюшню когда угодно. Зимой же юнкерам почему-то строго запрещалось посещение конюшни. А здесь, когда Государь обходил смены строевых занятий, три юнкера, кажется донец и два кубанца, пошли в конюшню и сказали конюху, что командир сотни приказал дать им таких-то лошадей. Лошади были даны, юнкера сели на них, выехали из училища и спрятались на улице за угол дома, мимо которого должен был проехать Государь. Как только показались сани Его Величества, юнкера выскочили из-за угла дома и поскакали с боков саней Его Величества, джигитуя, насколько позволяло уличное движение, – делали двойные прыжки, доставая на карьере землю и снег. Когда выехали на Исаакиевскую площадь, лошадь одного юнкера понесла и наскочила на извозчичьи сани, сделав прыжок между кучером и седоком. Извозчик испугался и остановился. Государь подъехал к нему и спросил, не зашиб ли кого юнкер. Получив ответ, что все благополучно, Государь подозвал юнкеров и спросил, с разрешения ли начальства они его сопровождают. Юнкера ответили, что без разрешения и что обманули конюха, сказав, что командир сотни приказал дать лошадей. Государь рассмеялся и сказал: «Ну, благодарю вас за конвой, езжайте домой и поблагодарите от меня командира сотни. Езжайте шагом, а то вы мне еще что-либо наделаете».

Между тем командир сотни, строгий полковник, был вне себя от гнева, и, когда юнкера подошли к нему с повинной, он страшно на них кричал, топал ногами, приказал сейчас же садиться в карцер, объявил, что переведет их в третий разряд по поведению, то есть после экзаменов выпустит их из училища не офицерами с годом старшинства, как других, а урядниками с правом только через полгода быть произведенными в полку в офицеры.

Юнкера молча слушали разнос и, когда командир сотни выдохся и замолчал, сказали: «Разрешите доложить?» – «Ну что вы еще будете мне докладывать?» – «Государь Император благодарил нас за конвой и приказал передать вам свою благодарность». Командир сотни сразу переменялся и на вопрос юнкеров: «Разрешите идти в карцер?» сказал: «Я не смею наказывать за поступок, за который благодарит Государь Император – идите с Богом».

В дальнейших моих встречах с Государем, когда я был офицером в лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку, Государь несколько раз, разговаривая со мной, вспоминал этот случай и смеялся.

Певчими на старшем курсе, вместо ушедшего талантливого Пронина⁴³, заведовал я. Сравниться с Прониным я не мог, но по заведенному порядку хор пел по-прежнему хорошо.

Так же как и в прошлом году, наше училище участвовало в майском параде, а вскоре мы переехали в лагерь Дудергоф. И в этом году занятия начались со съемок, но съемки мы делали верхом, измеряя расстояния по движению лошади, точно зная, какое расстояние лошадь проходит шагом, какое рысью, галопом. Мы должны были сделать не только чертеж, но и решить на местности данную задачу – на атаку, оборону, охранение и тому подобное. Эти съемки мы очень любили. За них тоже ставили отметки.

По окончании съемок – курс боевой стрельбы на стрельбище, потом сотенные учения и полевая служба, а в конце общие маневры, как и в прошлом году.

На смотр сотенного учения приехал, как и прежде, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом Великий князь Владимир Александрович. Когда окончился смотр и сотня стала перед Великим князем, он сказал: «Правофланговый портупей-юнкер, перед строй сотни». Я выскочил. «Слезай». Я соскочил с лошади и стал смирно, держа лошадь под уздцы. Великая княжна Елена Владимировна⁴⁴ фотографировала меня своим аппаратом, и Великий князь сказал: «Садитесь на место». Вся сотня тоже получила благодарность за смотр.

От больших маневров некоторые юнкера старшего курса, главным образом юнкера эскадрона, старались освободиться под предлогом всяких болезней. Маневры, а следовательно, и производство в офицеры, должны были окончиться далеко от лагеря, и юнкер, произведенный в офицеры, еще целый день должен был быть в юнкерской форме, пока возвратится в лагерь. С учетом этих юнкерских соображений и уловок доктору приказано никого не освобождать.

Сделали мы первый переход из лагеря, примерно верст тридцать, и расположились на ночлег в одной деревне. В хатах мест не было, а потому и эскадрону, и сотне приказано стать биваком, то есть лошади были привязаны к протянутому канату с одной стороны и с другой – головами друг к другу, а у задних ног лошади помещался на земле юнкер. Дали нам подостлать под себя немного соломы, а вместо подушки было седло. Я сразу крепко заснул, а когда перед рассветом проснулся от холода, увидел, что я лежу в яме с водой, шинель промокла насквозь, я весь совершенно мокрый. У меня обнаружились сильные боли в груди – я не мог дышать. Оказывается, всю ночь шел дождь, а я его не слышал. Из-за своей мнительности я сразу решил, что у меня скоротечная чахотка. Думал, что и до производства не доживу. Все начали советовать – иди к доктору. А к доктору, оказывается, все утро приходили десятки юнкеров эскадрона с просьбой освободить их от маневров, придумывая всевозможные болезни, и довели доктора до белого каления. И вот прихожу я, мокрый и несчастный. Доктор сердито: «Что вам?» – «У меня скоротечная чахотка». – «Убирайтесь вон». Он решил, что юнкер пришел его позлить. Я страшно обиделся. Ко мне все начальство относилось вежливо, с уважением и вдруг «вон». Я пошел жаловаться к командиру сотни. Полковник Дьяков сейчас же пошел к доктору, поговорил с ним пять минут, и доктор позвал меня: «Вы меня простите, что я на вас кричал, я принял вас за юнкера эскадрона, пришедшего меня позлить. Что с вами?» Доктор тщательно меня осмотрел и сказал: «Никакой чахотки у вас нет, а просто обострение ревматизма». Я ему не поверил. Тогда он сказал: «Ну вот, я надавливаю на грудь в разных местах, и вам не больно, а сейчас прикоснусь только к одному месту» – я вскрикнул от боли. «Такое же место есть у вас и на спине, я вас, конечно, освобожу от маневров». – «Я совсем не хочу освобождаться». – «Вот удивительно, здоровые просят их освободить, а вы имеете право быть освобожденным и не желаете. Что же я с вами буду делать?» – «Ничего не надо делать. Освободите меня от ношения на спине винтовки – ремень будет давить мне грудь, а винтовка спину». – «Ну конечно, вам винтовку надевать нельзя». Узнав, что я вхожу в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк, доктор стал советовать, чтобы я немедленно переводился куда-либо на юг, где сухой климат. «В Петербурге вы все время будете страдать от ревматизма». 9 августа маневры благополучно окончились. В одном местечке, не помню его название, юнкеров старшего курса потребовали к Государю. Государь поздоровался с нами и после небольшой речи поздравил нас с производ-

ством в первый офицерский чин. Всем нам раздали приказы о производстве. На траве разостланы были скатерти со всевозможными закусками (от Двора Его Величества), мы отлично позавтракали и поехали в лагерь.

На следующий день я явился к начальству лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка и поехал в 28-дневный отпуск.

За этот короткий отпуск я побывал в Новочеркасске, в станицах Великокняжеской и Каменской и у себя на зимовнике.

Глава 4

КАНИКУЛЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Теперь вернусь назад, чтобы рассказать, как мы в детстве проводили каникулы, приезжая на лето домой из корпуса. Главным занятием на каникулах была у нас охота. С отцом и старшими братьями, Николаем и Владимиром, я бывал на охоте уже лет с 6 – 7, но, конечно, без ружья. Самостоятельно начал охотиться, как и все мои братья, только с 10 лет.

В первые же каникулы, в 1891 году, перед поездкой из Новочеркасска на зимовник, мне купили в магазине у Зимина за 12 рублей двустольное шомпольное ружье. Бой ружья был удовлетворительный, но вес его мне был почти не по силам. С этим ружьем я охотился два года, а потом получил отцовское ружье Мортимера – прекрасный экземпляр шомпольного ружья.

Первые годы моей охоты были недобычливы: во-первых, я плохо стрелял, во-вторых, я не умел охотиться, то есть не знал жизни птиц, местности, где водится и бывает дичь, одним словом, я только раскрывал для себя тайны орнитологии.

Виды птиц мы с братьями знали по Аксакову²⁵. Его ошибки полностью повторяли и мы, иногда названия, приведенные Аксаковым, мы заменяли местными. Если к этому прибавить, что даже виды, приведенные у Аксакова, вследствие недостаточной полноты их описания, мы иногда смешивали, то станет ясным, какие мы делали грубые ошибки. А охотничьи записи мы, братья, вели аккуратно, и у меня их пять больших толстых тетрадей и переплетов. Художник П.И. Янов в этих тетрадях сделал великолепные рисунки акварелью.

Как только я десятилетним мальчиком приехал на каникулы, отец предупредил меня, чтобы я не смел стрелять «курочек» (лысух) на ближайших прудах, так как они здесь выводят детей. Пойдя на охоту, я увидел на пруду, недалеко от берега, плавающих птиц, названия которых не знал и думал, не запрещенные ли это курочки? Подкравшись, я стал наблюдать. Наконец, не в силах побороть желание, я выстрелил. Кроме убитой, все моментально нырнули и, вынырнув через несколько секунд, с любопытством разглядывали убитого товарища. Хотелось еще раз выстрелить, но, не зная названия птиц, я не решился. Достав убитую, я принес ее домой, но, боясь показать добычу отцу, спрятал ее под кровать. Там она пролежала сутки. Наконец я решился покаяться и со словами «что-то убил, а не знаю что» показал отцу. Очень был счастлив, когда отец сказал, что это нырок ушан (поганка большая).

Наш зимовник с трех сторон окружали пруды – перегороженные греблями балки. От таяния снегов и от дождей они наполняются водой, и поэтому во время больших снегов и частых дождей воды в прудах много, а в сухое лето некоторые пруды совсем пересыхают. Вода в прудах значительно уменьшается еще и от водопоя в них табуна лошадей, скота и овец. Пруды – истинное раздолье для всякой водяной птицы. Сытно и безопасно в камышах утиным выводкам всех видов: лысухам, камышницам и другим. По берегам прудов бывает много всевозможных куликов, особенно турухтанов и веретенников, прилетают кроншнепы, чибисы, а иногда огромные стада красавок (журавлей). Пролетом бывают гуси и казарки.

Было еще два пруда, богатых дичью, – Верхний Корольковский и Грузиновский, принадлежащий коннозаводчику Кубракову. Корольковский пруд глубокий, шириною он у гребли шагов двести и длиною около версты. По берегам этого пруда, из-за пасущейся там скотины и табуна, не было никакой растительности. Там тоже собирались иногда огромные стада красавок, которые покрывали все берега, а весной там бывали казарки и гуси. Согнанная выстрелом

²⁵ По-видимому, имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова (1852). (Примеч. ред.)

птица улета́ла на Манацкие лиманы в версте от пруда и, хлебнувши там горько-соленой воды, через четверть часа возвращалась назад.

Как-то раз мой старший брат, Николай, сидел на берегу этого пруда и ждал гусей. Приехал он на пруд до рассвета, устроил себе куст, огородил его со всех сторон бурьяном и стал ждать. Как только начало рассветать, появилась первая партия красавок (журавлей) и, мирно разговаривая, не подозревая опасности, стала разгуливать по берегу. Вскоре появилась вторая, третья... Некоторые садились в двух шагах. Другие, пролетая, обдавали брата ветром от своих крыльев, едва не разрушая укрытие брата. Вся эта туча красавок разговаривала, переходила с места на место, танцевала, подпрыгивала... Посередине пруда плавали утки. Наконец прилетели гуси. Сначала несколько штук, а вскоре за ними вторая стая, штук пятьдесят, села в тридцати шагах от брата. Он выждал, когда гуси сплывутся, и сделал по ним два выстрела. Первым выстрелом убил двух, вторым еще одного. Надо было видеть смтение и ужас такой осторожной птицы, как красавка. Взлетев и в ужасе крича, беспорядочно разлетаясь в разные стороны, они в первое мгновение заслонили собой небо и через минуту скрылись вдали.

Грузиновский пруд принадлежал коннозаводчику Кубракову. Это самый большой, самый глубокий и широкий из всех наших прудов. Длина его версты три. Все берега обросли камышом, в котором скрывается птица. Посередине пруда огромные стада уток и много больших поганок. От нашего зимовника до этого пруда восемь верст, и потому он посещался реже других. По дороге в степи попадались дрофы, стрепета и перепела. Подойдя к пруду, мы открывали стрельбу по камышу. Утки шумно взлетали и, разбившись на стаи, начинали носиться над водой, потом улета́ли в Маныч, но, попробовав там горько-соленую воду, возвращались на пруд. Чем хуже была вода в Манычи, тем больше было уток на прудах.

Как-то раз поехали на Грузиновский пруд большой компанией: братья Владимир и Филипп, я и дальний родственник Вася Трифанов. По инициативе Васи предприняли охоту на кубраковских свиней, пасшихся там в камышах и сильно мешавших охоте. Убили кабана и стали решать: что же с ним делать? Я и брат Филипп были еще маленькие, и наше мнение не имело значения. Спорили Владимир с Васей. Решили заехать на зимовник Кубракова, отдать им кабана и извиниться за неосторожную стрельбу. Положили кабана на дроги, полностью закрыли сеном и поехали на зимовник Кубракова. Наступила темная ночь. Подъезжая к зимовнику, трусили, побоялись, что будет очень ругать, и решили отвезти кабана к себе, чтобы завтра кучер отвез его к Кубракову с извинительным письмом от мамы. Въехали во двор зимовника, к дрогам подошел сам Кубраков и, разговаривая с братом, даже положил руку на кабана, но не заметил ничего подозрительного. Дали ему несколько уток, часть нашей добычи. Я дрожал, как в лихорадке. Дома нам за это страшно влетело. Мама грозила, что отберет ружья и совсем запретит охотиться. Утром отправили кабана Кубракову с извинением.

На охоте мы часто мучились от жажды, которая при страшной жаре была невыносима. Один раз я был один пешком в Жеребковской Манычи, где изнывал от жажды. Несколько раз я пил горько-соленую воду в лимане, ел листья травы и камыша и, положительно, полуживой добрался до пруда, где вода была пресная. Я стал на колени на берегу и наклонился пить, но вода вся кишела водяными блохами, пить было противно, и я пошел дальше вдоль берега. Пройдя шагов тридцать, я остановился напиться, но блох было будто еще больше. Я снял фуражку, отогнал ею немного блох и, зачерпнув воду, хотел пить, но фуражка была полна блох. Я выплеснул и пошел дальше. Наконец, не в силах переносить больше жажду, я закрыл глаза, зачерпнул фуражкой воду и выпил все вместе с блохами. Меня чуть не стошнило, но жажда была утолена.

В прежние времена, когда в камышах было много волков, иногда устраивали облаву на них. На одной такой облаве я был с Филиппом. Мне было лет восемь, Филиппу – шесть с половиной. Мы с кучером сидели на дрогах. Охотники – брат Николай, дядя Федор Николаевич и коннозаводчик К.И. Карасев. Загонщики – человек 30 калмык верхом. За короткий промежу-

ток времени взяли трех волков, из них одного, выскочившего из камыша в тридцати шагах от дрог, на которых мы оставались с кучером, убили калмыки плетьюми. Быстро окружив волка, человек шесть, они начали наносить ему удары плетьюми, и через несколько секунд один из них прыжком с лошади вскочил на спину волку и схватил его руками за шею. В это же мгновение другой калмык ремнем перевязал ему сначала морду, а потом ноги. В таком виде живой волк был положен на дроги, к большому неудовольствию храпевшей коренной... Мы с братом радовались, что гладим живого волка. Но вскоре Филиппу сделалось дурно, и все говорили, что Филипп испугался волка, а действительной причиной его болезни была им перед самой охотой съеденная дыня с сырым молоком.

Раньше волков было так много, что они часто нападали на овец, телят, лошадей. Лошади обыкновенно становились в круг головами внутрь, пропустив в середину круга жеребят, и били задними ногами подходивших волков. Овцы же убегали и покорно ждали своей участи.

Один раз поздней осенью перед вечером недалеко от дома слышали крик: «Ой, ратуйте». Калмыки поскакали на крик и отбили двух прохожих от волков. А раз зимой в версте от дома нашли двух съеденных торговцев-коробочников. Остались только их ноги, торчащие в снегу.

Часто мы ездили на Маныч большой компанией – удили рыбу, охотились, купались в целебной манюцкой²⁶ воде и потом здесь же, на берегу, пили чай и закусывали. Вода в Манычи настолько целебная, что жена брата с больными ногами, не в состоянии бывшая подняться с земли, после нескольких купаний свободно вставала и чувствовала себя совсем здоровой.

Любили мы охоту и на степную дичь. Степь, как я уже писал, особенно хороша весной, когда там все полно жизнью, свежо, ярко, молодо и весело. В вышине раздается непередаваемая песнь жаворонков, со всех сторон звонкие трели кроншнепов, повсеместный бой перепелов и жалобные крики чибисов. А замечательный сплошной ковер тюльпанов! Красота, не поддающаяся описанию.

Необходимая принадлежность наших степей – калмыцкие кибитки, в которых калмыки живут круглый год.

Как-то раз зимой, во время сильной гололедицы, наш калмык Учур привез пару дудаков (дроф). На мой вопрос, как он их поймал, он ответил, что в версте от дома ходит целый табун, штук четыреста дудаков, которых он издали принял за отару овец, и что от гололедицы дудаки не могут летать. Он убил двух себе, двух нам и одного старшему табунщику Буюндуку, а больше, пояснил он, грех, так как они совершенно беспомощны.

В очень жаркие дни дрофы и стрепета сидят так крепко, что можно пройти в двух шагах от них и они не взлетят. Один раз я возвращался домой верхом без ружья и увидел в нескольких шагах от себя дудака, лежащего в траве. Он спрятал только голову и вообразил, что его никто не увидит. Отъехав от него шагов на пятьдесят и стреножив лошадь, я подкрался к нему и схватил его руками. От произведенного шума сорвался другой дудака, сидевший в двух шагах от первого. Вспорхнувшего я раньше и не заметил. Пойманного дудака я привез домой, но он так был смят дорогой, что выкормить его не было возможности, и его прирезали. Дудаки вообще трудно приручаются, а журавли у нас жили по нескольку лет. Ходили по саду, подходили к столу, когда мы пили чай и бросали им крошки. Один журавль, проживший у нас два года, услышав осенью журавлиный крик пролетающих на юг журавлей, соблазнился и, присоединившись к одной стае, улетел. Весной, когда стаи журавлей возвратились на свою родину, прилетел и этот журавль. Он долго и низко летал вокруг дома и сада, жалобно кричал, но на землю сесть побоялся и улетел.

Бывали на охоте и казусы. Сидел я на берегу пруда недалеко от дома и ждал прилета уток. Мне было тринадцать лет. Когда уже совсем стемнело и только от луны оставалась полоска

²⁶ См. примечание 23, с. 272.

света на воде, выплывают из камыша несколько уток, которых я принял за кряковых. Ночью все кажется черными. Когда они выплыли на лунную полоску, я выстрелил и убил двух. Оказались белыми домашними. Дома много смеялись над моей оплошностью, и только старая кухарка, смотрящая за птицей, страшно возмутилась и пришла к маме жаловаться на меня.

Один раз мы, братья, собирались ехать на Маныч на перелет уток. Неожиданно к нам приехал незнакомый священник, прося разрешения переночевать. Часто приезжали с такой просьбой незнакомые – отказа не было. Узнав, что мы собираемся ехать на Маныч на охоту, он стал просить, чтобы мы взяли и его. «Да ведь вам, батюшка, нельзя стрелять?» – «А я и не буду стрелять, и ружья мне не надо, я только посмотрю». – «Да вас, батюшка, комары съедят». – «Ну, это пустяки». – «Так, может, рыбу будете удить?» – «С удовольствием». Поехали. Показали батюшке место, где удить, и разошлись в разные стороны. Вечером начался лет птицы на юг. Летели миллионы и почти без перерыва. Если смотреть на север, не видно клочка неба, где не было бы стай птиц. На юг – то же самое, все небо, до горизонта, покрыто птицами. Но вся эта птица – утки, кулики – летели так высоко, что стрелять по ним было нельзя. Редко какая местная утка пролетела на выстрел. Батюшка ничего не поймал. Сказал, что у него не было времени ловить, он едва успевал отбиваться от комаров, давя их у себя на лице и на руках. Но поездкой остался доволен, говоря, что никогда не поверил бы рассказу о таком количестве птиц.

В Европе сложилось три главных тракта пролета птиц осенью на юг. Первый – вдоль Каспийского моря, второй – вдоль Манычи и Азовского моря и третий – вдоль Дуная.

До пролета уток на юг на определенных местах лимана всегда сидела такая масса уток, что издали казалось, что это грязная отмель, остров. Но птица эта сидела на недостижимом расстоянии от берега. Мы подъезжали к лиману, оставляли лошадь у дороги, прятались в разных местах в камыш и ждали. После выстрела кого-либо из охотников вся эта туча птиц поднималась и начинала разлетаться, иногда налетая на охотников. Но бывали случаи, когда мы еще не успели распрячь лошадь и спрятаться, налетала утка, по ней стреляли, утки с лимана взлетали, и был такой шум от крыльев птиц, что голос человеческий не был слышен, надо было кричать во все горло.

Однажды два дяди, Николай Львович и Федор Николаевич, оба замечательные стрелки, шли по камышу в 30 шагах друг от друга и стреляли вылетающих от них уток. Но вот между ними вылетел гусь. Оба одновременно выстрелили. Гусь упал убитый. Кто убил? Один говорит «я», другой говорит – «нет я». «Я уверен, что я не промахнулся». – «Да ты каким номером стрелял?» – «Четвертым». – «А я первым». Здесь же разрезали гуся и нашли много дробинок первого номера и много дробинок четвертого номера. В волнении не сообразили, что оба попали в гуся, оба убили. И ведь гусь все равно шел в одну и ту же кухню.

Раз ехали они шляхом в экипаже. Параллельно их дороге, шагах в сотне от них, ехал верхом калмык с трубкой во рту и дремал. Федор Николаевич говорит: «Я выбью у него трубку изо рта». – «Ты с ума сошел. Не дай бог дрогнет рука – убьешь человека». – «Не дрогнет». – «Перестань, не надо». А с ними была магазинка, так звали нарезное ружье, бьющее пулей на версту. Остановили экипаж. Федор Николаевич, не слезая с экипажа, выстрелил, и разбитая трубка вылетела изо рта калмыка. Калмык вздрогнул и карьером подскочил к экипажу с претензией: «Новый трубка, только купил, 20 копеек, теперь трубка парпал». Ему дали рубль и сказали: «Купи пять трубок». Калмык был очень рад, благодарил и не подумал, какой опасности он подвергнулся, и не возмущался поступком господ.

В конце августа 1900 года я приехал в Каменскую станицу, где с отъезжающими в полк молодыми казаками должны были отправиться в Петербург две мои строевые лошади – Маркиз и Помпей. Мне надо было назначить казака, который в пути и кормил бы моих лошадей, и смотрел бы за ними. Просил я и начальника эшелона сотника Сидорова⁴⁵ присмотреть в пути за лошадьми.

Остановился я в Каменской станице у своего дяди, отставного полковника Балабина. У него в доме жил ручной ворон, который иногда вылетал из дома и всегда возвращался. За обедом он всегда старался лезть на стол и его всегда гнали со словами «Пошел вон, дурак», и ворон хорошо усвоил это ругательство. У нас на Дону, как и везде на юге, если корова отделяется от стада, ей кричат: «Куда?» Ворон и это слово хорошо усвоил, так как и утром и вечером ежедневно мимо дома прогоняли коров. К дяде приехал издалека родственник, пожилой господин, много лет не приезжавший в Каменскую станицу. Когда этот господин входил во двор дома, ворон сидел у раскрытого окна и крикнул: «Куда?» Изумленный гость остановился, но сейчас же последовало: «Пошел вон, дурак». Гость обиделся, хотя его уговаривали, что нельзя же обижаться на глупую птицу.

Казаки любили справлять свадьбы и старались не отступать от старых правил и обычаев. За несколько дней до венчания устраивались «подушки»: женщины ходили по улицам, держа в руках подушки и другое приданое невесты, подкидывали подушки на ходу и пели специальные для этого случая песни²⁷.

В день свадьбы торжественное богослужение в храме, после которого – свадебный пир. В церкви кумушки подробно обсуждают, как одета невеста, и как она себя держит, и кто первый ступил на ковер (платок) и прочее. По косточкам разбирают и жениха.

В одной станице станичный атаман, почтенный вахмистр, женил своего сына. На свадебный пир приглашена вся станица. Стол ломился от всевозможных яств. В изобилии были водка и разные вина. Произносились тосты и бесконечное «горько». Приходит сын со свадьбы. Мать спрашивает: «Ну, как была свадьба?» – «Да ничего». – «Как ничего? Я знаю, что там было в изобилии всяких угощений, я думаю, что не ничего, а отлично было, а ты как будто недоволен». – «Да, всего было много, а вот принуды не было». – «Да какая же тебе принуда, когда было больше ста человек гостей? Нельзя же каждому говорить: «Ну пожалуйста, выпей еще рюмочку, ну скушай то-то и то-то. Это тебе не десять человек в гостях».

Большинство казаков, особенно южных станиц, имели свои виноградники и свое собственное вино. Некоторые станицы славились своими винами.

Попал я раз в хутор Крымский на Дону, который особенно славился цимлянскими.

Спрашиваю: «У кого здесь можно купить хорошего вина?» – «Да в каждом дворе сколько угодно вина, но лучше всех вино у французики». – «Какая еще французики?» – «Да вдова полковника Х. Никто не может сделать такого вина, как она». – «А почему же вы не научитесь у нее?» – «Учились многие, она охотно всем рассказывает, а не выходит так, как у нее. Говорят, что она в вино какой-то порошок подмешивает».

Поехал я к французенке, очень любезно меня приняла, купил у нее вина и говорю: «Казаки говорят, что вы в вино подмешиваете какой-то порошок». – «Да они и мне это говорят, но это вздор. Весь секрет в безукоризненной чистоте. Посуду надо не только вымыть, но и высушить, а главное – в комнате, где стоят бочки с вином, ничего нельзя держать, кроме вина. Просит меня один казак посмотреть, как он делает и хранит вино. Прихожу и вижу, что у него действительно безукоризненная чистота, но в подвале у него выше бочек с вином висят свиные окорока, здесь же бочка с салом, с кислой капустой, с солеными огурцами, и все эти запахи вино впитывает в себя. Указала ему на это, но другого помещения у него нет, и он принужден все это держать вместе».

Рассказывали, что один шестидесятилетний старик казак никогда не пил водку: «Вино я сам даваю, знаю, что оно чистое, натуральное, а водка? Бог ее знает, из чего она сделана? Говорят, что ее пропускают через какие-то кости?» Наконец его уговорили только попробовать

²⁷ Регент Донского кадетского корпуса на спевках кричал: «Дисканты – как пьяные бабы на подушках». (Примеч. авт.)

водку. Выпил старик рюмочку и заплакал. «Что же ты плачешь?» – «Да мне жалко, что пропало 60 лет, и я не пил такой чудный напиток».

Глава 5

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК⁴⁶

В начале сентября 1900 года я прибыл к месту своей службы в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии. Я сейчас же явился командиру полка генерал-майору Константину Варфоломеевичу Дембскому⁴⁷, помощникам командира полка по строевой части полковнику Степану Степановичу Чеботареву⁴⁸, по хозяйственной части – полковнику Михаилу Степановичу Курючкину⁴⁹ и полковому адъютанту хорунжему Петру Петровичу Орлову⁵⁰. Потом явился всем командирам сотен и познакомился со всеми офицерами полка. Сотней Его Величества командовал есаул Сергей Владимирович Еврейнов⁵¹, 2-й сотней есаул Исеев⁵², 3-й сотней есаул Безладнов⁵³ и 4-й сотней есаул Краснянский⁵⁴. Есаул Павел Александрович Хрещатицкий⁵⁵ был на льготе. Всех офицеров в полку было 36, причем в этом, 1900 году вышло в полк 9 офицеров: 3 из Пажеского корпуса, 3 из Николаевского кавалерийского училища, хорунжий Упорников прикомандировался из артиллерийского училища, хорунжий Филенков из вольноопределяющихся после окончания университета и артиллерист хорунжий Самойлов. Меня зачислили в 3-ю сотню.

Временно, до получения квартиры в казармах полка, меня принял к себе сотник Берладин, отличный офицер, джигит, но он вскоре ушел из полка, поступил в Горный институт и, окончивши его, стал горным инженером... За год до этого сотник Берладин приютил у себя вышедшего в полк хорунжего Дягилева⁵⁶. Юрий Павлович Дягилев рассказывал, что как-то он, лежа на кровати в своей комнате, вертел в руках револьвер и нечаянно выстрелил. Он испугался, думал, что сейчас весь полк сбегится узнать, в чем дело и не застрелился ли кто? И вдруг из соседней комнаты совершенно спокойный голос Берладина: «Ты что там, Дягилев, стреляешь?» «Я даже возмутился, – говорит Дягилев, – никакого волнения, никто на выстрел не обратил внимания».

Полк имел три трехэтажных здания. В среднем здании – офицерское собрание, полковая канцелярия, квартира командира полка и офицеров. В здании левее – 2, 3 и 4-я сотни, в здании правее, во втором этаже, сотня Его Величества, в нижнем этаже – хлебопекарня, оружейная мастерская, нестроевая и обозная команды и трубаческая, а в верхнем этаже – 1-я сотня лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государа Наследника-Цесаревича полка⁵⁷, в отдельном доме шорно-седельная мастерская и плотницкая. Конюшни были по краям места, занимаемого полком. Был отдельный дом для учебной команды. Против входа во 2-ю сотню был приемный покой. Доктором был всеми любимый Адольф Оттович Даненберг.

Манежа в полку не было. Езда производилась на полковой площадке.

Вскоре прибыли с Дона молодые казаки, взамен окончивших службу и ушедших в августе на Дон. На полковой площадке их разбивали по сотням. Казаки с гнедыми лошадьми пошли в сотню Его Величества, с рыжими во 2-ю сотню, с вороными в 4-ю сотню и с бурыми и всеми оставшимися в 3-ю сотню.

Меня назначили заведовать в сотне молодыми казаками, и я принялся за это с полным рвением и усердием. Молодых у меня в сотне было 42 казака.

С середины сентября началась подготовка полка к полковому празднику. Ежедневно на полковом дворе были репетиции парада, и под звуки полковых трубачей сотни проходили церемониальным маршем.

По особому расписанию на полковой площадке производилась сменная езда молодым казакам. Была поездка и лошадям старых казаков. Старались, чтобы все лошади ежедневно были в работе.

Наконец подошел полковой праздник – 4 октября, в память Лейпцигской битвы в 1813 году, когда наш полк атакой на французскую кавалерию Наполеона спас трех императоров – русского Александра I, австрийского и германского. Под Лейпцигом Наполеон опрокинул нашу конницу и, смяв пехоту, мчался огромной массой своей кавалерии к холму, на котором стояли три императора – русский, австрийский и германский. Сзади холма, за ручьем, стояли четыре сотни нашего полка и сотня черноморских казаков. Больше никаких войск не было. Положение было критическое. Три императора должны были попасть в плен. Времени для распоряжений не было. Государь вынул шашку и показал ею лейб-казакам на приближающуюся конницу противника. Полк бросился в атаку, смял и рассеял французскую кавалерию и надвигающееся поражение обратил в блестящую победу. С тех пор Государь Император повелел 4 октября, День святого Иерофея, считать нашим полковым праздником.

Полк в пешем строю со штандартом, развернутым строем, построился на полковой площадке. Все в парадных алых мундирах. Прибыли представители гвардейских кавалерийских полков, много атаманцев, много старых бывших лейб-казаков. Очень торжественно прошел молебен, приглашенный из Троицкой церкви дьякон Нюхин, донской казак, громким, могучим басом провозглашал многолетие.

После молебна командир полка и старший из присутствующих поздравили казаков с полковым праздником, и потом полк проходил церемониальным маршем. Старший из присутствующих начальников благодарил за блестящий порядок и прохождение. Дружно отвечали казаки: «Рады стараться, Ваше превосходительство».

Парад окончен. Все присутствующие господа офицеры приглашены в столовую на обед. В бильярдной комнате накрыт закусочный стол с множеством всяких закусок, разными водками, коньяками и другими напитками. Из бильярдной перешли в столовую и сели обедать. Когда шампанское было разлито по бокалам, командир полка провозгласил тост за шефа полка Государя Императора. Дружное «ура!» покрыло тост. Все встали. Трубаچی играли гимн «Боже, Царя храни». Все осушили бокалы. Потом были другие тосты... Много пили, много кричали «ура». Я не мог пить, и мне соборанский казак незаметно приносил бокалы с грушевой водой Дудергофских ключей – прекрасный напиток, который невозможно было по виду отличить от шампанского. Долго сидели за столом, слушали интересные рассказы старших, и нам, молодежи, странно было слышать, когда старый генерал, окончив рассказ, говорил: «Это было 40 лет назад». Потом встали, ходили по собранию – «гуляли». Конечно, все подписали и ко мне приставали со словами: «Ну почему ты не надрался?» Это было мне так неприятно, что я тогда же решил, что в будущем никогда ничего спиртного пить не буду.

Часто в полку были кутежи, и каждый месяц, в первый вторник после первого числа, был офицерский обед, на который каждый офицер полка мог пригласить своего знакомого.

Но дамы в наше офицерское собрание никогда не приглашались. (Запорожская Сечь²⁸.) Никаких «вечеров с дамами» не устраивали, но каждый офицер обязан был не только сделать полковым дамам официальный визит, но быть знакомым с ними. Полковые дамы нераздельно принадлежали к нашей полковой лейб-казацкой семье.

Старые лейб-казаки, раньше служившие в полку, имеющие дела в Петербурге, старались приурочить свой приезд в Петербург ко времени официального обеда в полку, чтобы всех увидеть, познакомиться с вновь поступившими в полк офицерами, слиться с полковой семьей.

В полку пили только французские вина «Монополь», «Редерер», «Мум». Было в собрании и наше русское «Абрау-Дюрсо». Французское шампанское стоило флакон 6 рублей, а

²⁸ Имеются в виду традиции Запорожской Сечи в отношении дам. (Примеч. ред.)

«Абрау-Дюрсо» 3 рубля. «Мум» почти никогда не пили, и я спросил, зачем его выписывают из Франции, когда есть, по той же цене, лучшие марки – «Монополь» и «Редерер», тем более что «Мум» никто не требует. Мне ответили: «Когда офицер так подопьет, что ему трудно выговорить «редерер» или «монополь», он всегда может промывать «мум».

Я твердо держался своего обещания и спиртного до женитьбы не пил – ни водки, ни вина. Когда же в 1906 году женился, к нам часто приезжал мой тесть – инженер путей сообщения действительный статский советник Воробьев. Он любил выпить перед обедом рюмку водки, а компаньона не было. Жена начала меня уговаривать пить рюмку водки, когда приезжает тесть. Я стал при нем выпивать рюмку водки. Потом стал иногда и без него пить одну рюмку, пил и в собрании при офицерах, и все-таки меня считали абсолютно непьющим. О моей исключительной трезвости знали и все офицеры Атаманского полка. Жена же гордилась, что это она выучила меня пить. Сама же никогда ничего не пила спиртного. Но пьяным я никогда в жизни не был и больше одной рюмки никогда не пил.

Интересна биография дьякона Нюхина. Это простой казак, и в юношеском возрасте он скитался по России, главным образом на Волге. Но вот приходит время идти на службу, надо справлять обмундирование, покупать строевого коня и тому подобное. Нюхин появляется в Новочеркасске, и у него является мысль поступить в войсковой хор, пребывание в котором считается за отбывание воинской повинности. Правда, в хоре надо пробыть, вместо трех лет полковой жизни, полных шесть лет, но не надо покупать строевого коня и оружие, не надо уезжать куда-то на запад в царство Польское, а можно оставаться в родном Новочеркасске, посещать спевки и церковные службы и, вообще, жить легко и спокойно.

Обратился он к регенту хора с этой просьбой, а к регенту приходили проситься в хор уже сотни казаков, и он больше не желает никого слушать. Прогнал он и Нюхина. Но Нюхин настойчив. Он пришел еще раз, и еще, и еще и так надоел регенту, что тот запрещает ему приходить к нему. Тогда Нюхин говорит: «Я не прошусь в хор, прошу только дать свой отзыв о моем голосе, чтобы я успокоился и знал, что я из себя представляю».

Чтобы отвязаться от него, регент подошел к роялю и взял аккорд. Нюхин запел. Регент изумленно остановился, посмотрел на него и говорит: «Хорошо, я принимаю тебя в хор».

Отбывши шесть лет в хоре, Нюхин, несмотря на просьбы регента остаться на сверхсрочную службу, ушел от него, выдержал экзамен на дьякона и поступил в одну из церквей Новочеркасска. Но вскоре один из петербургских купцов услышал его в церкви и перетащил из Новочеркасска в Петербург, кажется, в Троицкую церковь.

На полковых праздниках нашего полка Нюхин всегда служил у нас на молебне, после которого вместе с нашими офицерами пировал в офицерском собрании.

Моя жена очень любила пасхальные визиты Нюхина, так как Нюхин не отказывался от угощения, как многие визитеры, и с аппетитом пробовал на столе все пасхальное.

Как-то мою жену пригласили петь на одном большом концерте. К нам подходит господин в великолепном смокинге, любезно раскланивается, называя меня и жену по имени и отчеству. Я говорю: «Простите, я вас не помню, не узнаю». – «Неужели? Отец дьякон, многолетие провозглашал». Я изумлен. «Почему же вы в таком виде?» – «Расстригся по болезни и теперь пою в опере в Мариинском театре под фамилией Донец. Сюда приглашен петь вместе с вами». – «Где же лучше служба – в церкви или в Мариинском театре?» – «Ну конечно в церкви дьяконом. Там ни печаль, ни воздыхание, все относились с любовью, задаривали, а в театре – интриги, зависть и беспрерывная борьба».

Работа в полку мне нравилась, и я отдался ей всей душой, ни о чем не думая, кроме воспитания казаков, и только по субботам продолжал посещать журфикисы Похлебиных. У них же я познакомился со своей будущей женой Александрой Вячеславовной. Она в то время училась петь в консерватории и жила у своей родной тетки, сестры отца, Марии Евграфовны Тарновской⁵⁸. Мария Евграфовна окончила консерваторию у знаменитого Рубинштейна и была, по

его словам, одной из лучших его учениц. М.Е. Тарновская давала концерты во дворце Государя Императора и в Париже. Муж ее был камер-юнкером.

Между прочим, М.Е. Тарновская имела замечательный завод ирландских сеттеров. Ее собаки брали первые призы по экстерьеру и в Петербурге, и в Москве. Этот завод по духовному завещанию достался потом мне.

Вскоре мне и хорунжему Евгению Николаевичу Попову⁵⁹ дали квартиру на четвертом этаже, на «голубятне». У нас было три комнаты. В крайних жили мы, а средняя, проходная, была пуста.

Денщик мне достался очень хороший и совершенно неграмотный. Вообще же грамотность у казаков в процентном отношении стояла высоко. Из 42 моих молодых казаков 3-й сотни было только 3 неграмотных. В пехотных гвардейских полках из 42 новобранцев – 2 – 3 грамотных. Неграмотные у нас в полку скоро становились грамотными, так как в каждой сотне была сотенная школа. Денщика своего я вскоре научил читать и писать. Причем писал он, конечно, с ошибками, но очень красиво. Когда он послал первое собственноручное письмо домой – ему не поверили. Он пришел ко мне со словами: «Получил с дома письмо, родитель не верит, что я сам ему написал. Вот прочтите». После ласкового обращения и поклонов вдруг: «Ты что же это, с-н сын, брешь, что это ты сам писал» и тому подобное. Пришлось мне написать его родителю, что его сын так хорошо выучился грамоте.

Меня часто навещал сосед по квартире Александр Степанович Татаркин, сотник, но он после 1905 года поступил в технологический институт и стал инженером.

Года через два хорунжий Попов перешел в другую квартиру, и его комнату занял хорунжий Константин Павлович Золотарев, с которым я, как и с Е.Н. Поповым, был в самых дружеских отношениях. Костя Золотарев, прекрасный офицер, хороший товарищ, чтобы приучить денщика к аккуратности, всегда приказывал разбудить себя или без трех минут семь, или в две минуты восьмого, и денщик, поглядывая на часы, лежащие на ночном столике, точно будил его в назначенное время, а мой денщик первый раз разбудил меня на два часа раньше времени и на вопрос, почему так рано разбудил, ответил: «А я думал, что так еще лучше». Раз Костя увидел, что денщик его все время улыбается, и спросил: «Ты что улыбаешься?» – «Да чудное письмо с дома получил – тетка втопла». – «Так что же тут смешного, очень грустно». – «Так, ваше благородие, все люди умирают обнаковенно, а она втопла».

Один раз пришел ко мне Костя Золотарев, когда я писал что-то срочное. Денщик мой сейчас же подал самовар и стаканы, и я попросил Костю налить чаю. Костя, видя, что мой денщик не вышел из комнаты, а стоит у дверей и наблюдает за ним, начал щипчиками накладывать сахар в стаканы доверху. Я был занят и не видел это. Вдруг денщик обращается ко мне: «Ваше благородие?» – «Что тебе?» – «А их благородие нашего сахара не жалеют». Во время революции Золотарев был убит большевиками.

Офицер обязан был знать все подробно о своих казаках: какая семья, имущественное положение и все остальное. Во время перерыва строевых занятий я начал расспрашивать своих подопечных. Из 42 казаков только 3 неженатых. Их казаки называли «кавалерами», уверяли, что их позовут к Царю на бал, и каждый вечер делали репетицию – заставляли танцевать казачка. Многие казаки, идя на службу, уже имели детей. Один говорит: «У меня двое – мальчик и девочка». – «Что же ты так поторопился до службы, двоих народил?» – «Ваше благородие, так у Гарбузова семь». – «Не может быть – правда, Гарбузов?» – «Так точно – один раз двое, другой раз трое». – «А еще двое?» Гарбузов сконфуженно опускает глаза и говорит: «А двое до свадьбы».

Еще смеялись старые казаки над теми, которые хвастались, что хорошо стреляют, их заставляли каждый вечер чистить винтовки, говоря, что их позовут в царскую охоту.

Служба у казаков, в общем, была тяжелая. Вставали в пять часов утра и сразу шли на чистку лошадей и уборку конюшни. Эта уборка и чистка продолжались до семи часов, так как

почти каждому приходилось чистить по две лошади: свою и какую-то из лошадей тех казаков, которые в это время находились в наряде, – дежурных, дневальных, караульных, больных и тому подобное – восемь часов мылись, чистились и пили чай. К 8 часам все должны были быть готовы и выстроены для встречи офицера, и начинались занятия до 11 часов, в 11 обед и опять чистка лошадей. От часу до трех, иногда до четырех опять занятия. Потом вечерняя чистка лошадей и ужин. Очень вкусны были щи с порцией мяса и пшенная каша. Офицеры с удовольствием уничтожали пробную порцию. Ужин был почти такой же, как и обед. Каждый казак получал на день 3 фунта черного хлеба. Хлеб был великолепный. Начальство говорило: «Не хлеб, а пряник». Но молодые казаки не ели его и меняли у торговки на белый, у нас на Дону черного хлеба нет и к нему не привыкли. Но постепенно привыкали и на второй год службы уже ели с удовольствием. Нет у нас на Дону и гречневой каши, и, когда попробовали в полку дать вместо пшенной гречневую кашу, никто не ел.

В каждой сотне одна комната называлась «образной». Там был большой образ в киоте, сооруженный усердием казаков. В этой комнате была и канцелярия сотни. Я собирал туда два раза в неделю, после ужина, песенников и разучивал с ними песни, какие пели в Николаевском кавалерийском училище. Чтобы легче было разучивать, я брал в городе напрокат пианино, и оно стояло в образной. Казакам это нравилось, и они охотно собирались на спевки. Хор 3-й сотни был лучший в полку. Один раз песенников 3-й сотни пригласили в богатый частный дом, где они, по словам хорунжего Васильковского⁶⁰, бывшего с песенниками, произвели фурор. Их угостили обильным ужином, и, когда Васильковский вошел в комнату, где казаки ужинали, они обратились к нему с вопросом: «Ваше благородие, а мыло зачем?» У нас на Дону сыроварен не было, и они приняли сыр за мыло. Когда Васильковский при них съел кусочек сыра, казаки тоже начали его пробовать.

Когда на следующий день я спросил песенников, как прошел их концерт, они ответили: «Все хорошо: и пели хорошо, и кормили нас хорошо, только Сидоров сконфузил хозяйку». – «Как сконфузил?» – «На скользком полу танцевал казачка и упал». – «Какой же это конфуз хозяйке? Он сам должен был сконфузиться».

В апреле месяце был смотр молодым казакам. Смотр прошел блестяще, и меня хвалили. Начались взводные учения вместе со старыми казаками, а потом сотенные учения и полковые на Марсовом поле – готовились к майскому параду, который был обыкновенно в конце апреля, так как 1 мая все войска выходили в лагери.

Эти знаменитые майские парады хорошо были известны не только в России, но и за границей. К майскому параду приезжали иностранцы из Парижа, Лондона, Берлина и других городов. У Летнего сада, вдоль всей длины Марсова поля, устраивались трибуны, которые до отказа заполнялись публикой, и многим-многим опоздавшим не хватало места. Из-за границы логи заказывались обыкновенно телеграммами, заблаговременно.

К майскому параду готовились усердно. Марсово поле распределялось для занятий между частями войск, расположенных в Петербурге, и поле не было свободно от раннего утра до позднего вечера.

За несколько дней до парада в Петербург прибывали войска из Царского Села, Гатчины, Павловска, Красного Села и других городов. Главнокомандующий военным округом устраивал репетиции парада, был строг и распекал за малейшую ошибку.

И вот, наконец, настал день парада. Войска выстроены на Дворцовой площади и дальше по улицам, до Марсова поля и по всему Марсову полю. На Дворцовой площади Конвой Его Величества⁶¹, 1-я и 2-я Гвардейские Кавалерийские дивизии со своей артиллерией. Все в парадных мундирах, на седлах цветные вальтрапы²⁹, лошади вычищены до отказа. Лейб-гвар-

²⁹ Вальтрап – покрывка на седло или потник (от нем. Waltrapp). Помещается на или под седло, в зависимости от его формы. (Примеч. ред.)

дии Казачий Его Величества полк в алых мундирах с серебром и с алыми же вальтрапами. На полк трудно смотреть – больно глазам. Лейб-гвардии Атаманский его Императорского Высочества Государя Наследника-Цесаревича полк в голубых мундирах и с такими же вальтрапами. Лейб-гвардии Конный полк, кавалергарды⁶² и два кирасирских полка Его Величества и Ее Величества в белых мундирах, поверх которых золотом блестят латы, здесь же 2-я Гвардейская Кавалерийская дивизия – конногренадеры, уланы Ее Величества, лейб-драгуны и лейб-гусары в алых мундирах с ментиками³⁰. Иногда приезжала к майскому параду из Варшавы гвардейская кавалерийская бригада – уланы Его Величества и гродненские гусары... Все это настолько красиво и ярко, что у всех вызывало восторг. Кто видел майский парад, никогда его не забудет – это сказка, это величие России.

Своеобразно был одет лейб-гвардии Сводно-Казачий полк, в котором служили казаки всех войск, кроме Донского, Терского и Кубанского, как уже имеющие свои гвардейские части. 1-я сотня – уральцы в малиновых мундирах и с большими лохматыми папахами. 2-я сотня – сибирские казаки в красных мундирах, дальше идут по полусотням и взводам, в зависимости от величины войска, – оренбуржцы, астраханцы, забайкальцы, амурцы, уссурийцы и семиреченцы. У всех цветные мундиры своих войск. Оренбуржцы – голубые, астраханцы и забайкальцы – желтые и тому подобное.

Возле Государя Императора стоят два трубача-конвойца, и Государь приказывает им играть тот или другой сигнал. Хор трубачей, который стоит против Государя, играет сперва начало полкового марша той части, которой очередь идти, по сигналу же трубачей, стоящих возле Государя Императора, хор повторяет этот сигнал и затем играет соответствующий марш – шаг, рысь, галоп, карьер. Части проходят между Государем и хором трубачей. За кавалерией идет конная артиллерия.

Пехотные части и артиллерия, пройдя мимо Государя вдоль Марсова поля, расходятся по домам, а кавалерия выстраивается в резервной колонне, против Государя и трибун на противоположном конце Марсова поля. Когда все кавалерийские части, пройдя церемониальным маршем, выстроены в резервной колонне, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом, в последние годы Великий князь Николай Николаевич, бывший на 1-й Великой войне Верховным главнокомандующим, подает соответствующую команду, и вся кавалерия полным карьером идет в атаку по направлению к Государю и трибунам. За тридцать шагов не доезжая до Государя, подается команда «Стой» – и все останавливаются.

Все хорошо знают, что идущая в атаку кавалерия остановится, но эта атака производит такое впечатление, что каждый раз в трибунах несколько человек падает в обморок.

Каждую часть, каждую роту, эскадрон, сотню, батарею во время прохождения их мимо Государя Императора Государь благодарит, ему отвечают, как положено по уставу: «Рады стараться, Ваше Императорское Величество».

После атаки Государь Император еще раз благодарит кавалерию и отпускает домой. Все разъезжаются и долго потом делятся впечатлениями.

1 мая полк всегда выступал в лагери, где сотни стояли в разных деревнях. Лошади размещались в крестьянских сараях, кроме 3-й сотни, которая имела свою конюшню. Сотня Его Величества помещалась в деревне Варикселево у подножия Дудергофской горы, 2-я сотня в деревне Перякюля, 3-я – в деревне Пикколово, тоже у подножия Дудергофской горы, и 4-я сотня, дальше всех, у подножия горы Кирхгоф.

Казаки любили лагери. Жизнь по крестьянским избам напоминала им домашнюю жизнь.

В Пикколово, в отдельном здании, было офицерское собрание, а рядом с ним полковая канцелярия и квартиры командира полка, адъютанта, заведующего офицерским собранием и

³⁰ Ментик (*венг. mente*) – короткая гусарская накидка с меховой опушкой. (*Прим. ред.*)

другие. Здесь же был большой барак для нестроевых, хлебопекарня и караульное помещение. Офицеры жили по частным квартирам, на дачах.

1 мая дачники еще не приехали, домики их стоят пустыми. Мы с братом пошли на Воронью гору пострелять ворон, которые невозможно каркают с утра до вечера. Ворон этих было множество. Вдруг видим на одной даче занавески на окнах, уже приехали, неудобно беспокоить выстрелами. В это время на балкон выходит господин. Я обращаюсь к нему: «Вы ничего не будете иметь, если недалеко от вас мы сделаем несколько выстрелов по воронам?» – «Пожалуйста, перебейте их всех. Я привез сюда попугая, который хорошо говорил несколько фраз, теперь он ничего не говорит, а только каркает, как ворона. Никогда больше сюда не приеду».

Гувернантка брата, француженка, принесла убитую ворону в дом и просила кухарку сварить ее. Возмущенный денщик пришел с жалобой: «Французиха хочет запоганить нашу посуду вороной, неужели мало ей нашей пищи, не позволяйте ей». После спора мужа с женой решили ворону француженке сварить и потом посуду выбросить.

В лагере обыкновенно до обеда были сотенные учения на военном поле, а после обеда пешком шли на стрельбище 2-й гвардейской пехотной дивизии – там проходили курс стрельбы. Казаки недосыпали и очень утомлялись. А майские белые ночи, когда среди ночи можно было читать без освещения, тоже неприятно действовали на них – многие заболели куриной слепотой и с наступлением вечера ничего не видели. Лечили таких печенкой, которую больным давали вместо мяса.

После смотров сотенных учений были полковые учения, потом бригадные и дивизионные учения. Когда я был молодым офицером, меня обыкновенно назначали ординарцем к начальнику дивизии. Я слышал все замечания начальника дивизии, и это было очень поучительно. В нашей 3-й бригаде, кроме нашего полка и Атаманского, была гвардейская уральская сотня. В 1905 году сформирован был лейб-гвардии Сводно-Казачий полк. Уральская сотня стала 1-й сотней этого полка. 2-я сотня от Оренбургского войска. 3-я сотня – полусотня Сибирского войска, один взвод Астраханского и один взвод Семиреченского, 4-я сотня – полусотня забайкальцев, один взвод Амурского войска и один взвод Уссурийского. В 1-й бригаде – лейб-гвардии Конный полк и кавалергарды, во 2-й бригаде – кирасиры Его Величества (желтые) и кирасиры Ее Величества (синие).

Начальником дивизии в первый год моей службы был генерал-лейтенант барон фон Крузенштерн⁶⁴, командиром 3-й бригады генерал-майор Новосильцев⁶⁵.

После учений дивизии были полевые поездки, то есть решение боевых задач на местности. Уходили на неделю – десять дней из лагеря, ночевали в разных деревнях. Полевые поездки – это сплошной праздник: с утра работа, а к обеду приходили в новую деревню, разбивали большую офицерскую палатку-столовую, обедали и кутили. В Петербурге и в лагере абонемент – обед и ужин – стоил определенную сумму, а кто требовал вино, платил отдельно. На маневрах же и на полевых поездках все выпитое вино раскладывалось на всех офицеров поровну.

Один раз во время кутежа пришел в палатку студент и представился как репетитор детей ближайшего помещика. Его приняли очень любезно, накормили и напоили. Вскоре я ушел в отведенную мне квартиру, а когда пришел вечером ужинать в палатку, студент, совсем невменяемый, едва сидел на стуле, а хорунжий Х., ничуть не трезвей студента, в ведре холодной воды мыл драповое пальто этого студента. Я спросил: «Ты что же это делаешь?» Х. озабоченно ответил: «Да он выпачкал, надо же помыть».

А другой случай был более грустный. Пришел в палатку и представился местный священник. Очень симпатичный старенький батюшка. Пообедал с нами, и ему очень понравилась мадера. Выпил он одну рюмку, другую, сам просит еще. Ему говорят: «Пожалуйста, батюшка, сколько хотите, но не вредно ли вам?» – «Нет, нет, я же себя знаю». Очень подпил батюшка, и два офицера бережно отвели его домой. На следующий день полк рано уходил из деревни, и

офицеры зашли справиться о здоровье батюшки. Матушка ответила: «Не приходя в сознание, ночью скончался».

На время маневров в 1900 году только что окончивший полковую учебную команду вице-урядник Быкадоров⁶⁶ командирован был ординарцем к руководителю маневрами Главногокомандующему [столичным] военным округом Великому князю Владимиру Александровичу.

Темная августовская ночь. Великий князь посылает Быкадорова в противоположный отряд к генералу А. с пакетом: «Передай пакет в руки генералу А., а конверт с его распиской привезешь мне. Я, не раздеваясь, лягу спать на этом диване. Как вернешься, сейчас же меня разбуди и исполни это как можно скорее, вот тебе удостоверение, что ты мой ординарец и что тебя никто не смеет задерживать. Сейчас по карте покажу тебе, как надо ехать». – «Ваше Императорское Высочество, не беспокойтесь, я и без карты найду генерала А.». – «Ты здесь бывал? Знаешь дорогу?» – «Никак нет, никогда не бывал, а найду». Великий князь все пытался показать дорогу, а Быкадоров уверяет, что и так найдет.

Поехал Быкадоров. До генерала А. надо проехать 20 верст. Через два с половиной – три часа возвращается Быкадоров и будит Великого князя. Великий князь взглянул на часы: «Заблудился? Не нашел дорогу?» – «Никак нет, Ваше Императорское Высочество, нашел, вот конверт с распиской генерала А.». – «Как же ты успел так скоро? Ведь ночь и проехать надо было 40 верст?» – «У меня конь добрый, да приехал бы раньше, но задерживали на заставах, да еще юнкера поймали и не верили, что я ваш ординарец, а удостоверение не хотели читать, говорят, что нельзя огонь зажигать, чтобы не обнаружить себя неприятелю». Великий князь был очень доволен, благодарил Быкадорова и потом командира полка, что прислал ему такого ординарца.

Один раз полк выехал на малые маневры. Вдруг крик: «Хорунжего Балабина к командиру полка, который впереди колонны». Скачу, обгоняя две впереди идущие сотни. «Поезжайте назад в лагерь и сделайте такие-то и такие-то распоряжения – я забыл это сделать перед отъездом». – «А где я вас потом найду?» – «Приказано всем полкам дивизии сосредоточиться на такой-то поляне, где каждому полку будет дано задание и все разъедутся в разные стороны на ночлег. Куда нас пошлют, неизвестно». – «Как же я вас найду?» – «Ну как-нибудь найдете».

Возвратился я в лагерь, передал все распоряжения командира полка и приехал на названную поляну. Никого нет, куда ехать не знаю, и вся поляна истоптана тысячами копыт семи полков и трех батарей. От прошедшего накануне дождя на поляне грязь, ничего разобрать нельзя. Говорю вестовому: «Куда же мы поедем?» – «А надо по следам узнать». – «Да ведь какая-то каша из следов, и все лошади одинаково кованы». Слез казак с лошади, начал рассматривать следы и минут через пять говорит: «Вот по этой дороге надо ехать». Поехали и вскоре нашли полк. Потом я сравнивал следы наших лошадей и лошадей регулярной кавалерии и никакой разницы не мог найти, а «казачий нюх» сразу нашел. И этот «казачий нюх» много раз выручал нас.

Один раз на маневрах меня послали произвести рекогносцировку дороги до деревни Б. Все исполнил, начертил кромки дороги, сделал легенду, то есть подробное описание дороги, и представил командиру бригады генералу Новосильцеву.

На следующий день бригада по этой дороге пошла к деревне Б. На мосту орудие лейб-гвардии 6-й Донской Его Величества батареи провалилось в ручей. Зовут меня к командиру бригады. Генерал Новосильцев строго спрашивает: «Вы делали рекогносцировку дороги, а орудие провалилось». – «Меня посылали не исправлять дорогу, а только разведать ее, и у меня в легенде написано: «Мост старый, плохой, кавалерия осторожно пройдет, но артиллерию мост не выдержит и рухнет». Посмотрели легенду, и командир бригады говорит: «Совершенно верно, вы правы, благодарю вас».

Я поражен был быстротой, с какой артиллеристы вытащили орудие из глубокого ручья буквально в несколько минут.

Один раз на маневрах меня послали в разведку с 3-й сотней. Подъезжает ко мне прикомандированный к полку на лето незнакомый доктор медицины и просит разрешения ехать со мной. Перед этим он все время приставал ко мне, прося учить его, как надо сидеть в седле, как держать ноги, руки. Я говорю ему, что был бы рад ехать вместе, но ведь он должен быть при полку, а не с отдельной сотней. «Я должен быть там, где больше опасности». – «Нет, вы не смеее уйти от полка, вам сделают выговор». – «Ну, это ничего».

В одном месте у леса мы столкнулись с неприятелем – полуэскадроном кирасир Его Величества под командой унтер-офицера. И казаки, и кирасиры вдруг вошли в азарт и с криком лезут друг на друга в драку. Я во все горло кричу: «Стой!» Так же кричит унтер-офицер кирасир, стараясь успокоить солдат, и слышу страшный крик доктора, он вынул шашку и во все горло кричит: «Бей их!», прибавляя самую ужасную брань. Я схватил его за руку и кричу: «Доктор, опомнитесь, успокойтесь, что вы делаете?»

В полку доктора выругали – там как раз нужна была его помощь, да еще для штаба дивизии, и на меня набросились: «Зачем вы его взяли с собой?»

В середине лагерного сбора была «заря с церемонией». Все пехотные полки выстраивались у своих барачков. Кавалерия из своих деревень приводилась пешком на определенные места. Государь Император со свитой объезжал все части авангардного и главного лагеря. Государыня Императрица в коляске на белых лошадях сопровождала Государя.

После объезда всех войск Государь сходил с лошади у построенной на этот день палатки. У палатки стояли почетными часовыми два портупей-юнкера Павловского военного училища. Перед палаткой – соединенный оркестр всех частей гвардии. Оркестр играл концерт от прибытия Его Величества до повестки (8.45 вечера) и после нее до «зари» (9 вечера). Повестку и «зарю» били барабанщики, потом играли горнисты лейб-гвардии Преображенского полка, а оркестр повторял их. Потом старший барабанщик командовал: «На молитву шапки долой» и читал «Отче наш». После молитвы командовал: «Накройсь», потом играли «отбой». После этого Государю рапортовали фельдфебеля и вахмистра шефских рот, эскадронов и батарей шефских полков гвардии, а стоящие с ними адъютанты молча подавали Государю рапорт о состоянии полка. К Государю подходили с рапортом конногвардейцы, кирасиры Его Величества, лейб-казаки, уральцы, лейб-гусары, батарея Его Величества и 6-я Донская батарея Его Величества гвардейской конноартиллерийской бригады. Адъютанты и вахмистры шефских полков Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича, Великих княжон и Великих князей подходили с рапортом к своим шефам.

Взвивалась в воздух ракета, после взрыва которой был залп из всех орудий главного и авангардного лагерей.

На «заре» присутствовали офицеры и полковые дамы всех полков гвардии и армии и много петербургской публики по билетам дворцовой полиции.

На следующий день после «зари с церемонией» обыкновенно бывал парад на военном поле. Государь со свитой объезжал все части и останавливался у Царского валика, а Государыня Императрица с наследником и Великими княжнами стояли на Царском валике.

Мимо Его Величества проходили церемониальным маршем сначала пехота с пешей артиллерией, потом кавалерия с конной артиллерией.

В конце июля полк выступал на общие маневры всего Петербургского военного округа до 9 августа. После маневров возвращались в лагерь и через день-два шли в Петербург на зимние квартиры.

Вскоре казаки, прослужившие в полку три года, отправлялись домой, на Дон. В этом же эшелоне уезжали и казаки, получившие отпуск. Каждый окончивший службу увозил с собой сундук с подарками для родителей и родственников. У казаков считалось позором ехать без сундука.

После отъезда отслуживших казаков занятия в полку не производились, и я уехал в 28-дневный отпуск вместе с братом Филиппом⁶⁷, который в этом, 1901 году произведен был в офицеры. Он вышел в наш полк и зачислен был в 3-ю сотню, где служил и я.

Отпуск в 28 дней промелькнул как мгновение, и я все-таки успел несколько раз поохотиться на прудах и в Манычи.

Второй и третий год моей службы в полку я также заведовал обучением молодых казаков. Брат заведовал сотенными разведчиками.

Мой бывший сменный офицер в Николаевском кавалерийском училище, есаул Греков, был прикомандирован к нашему полку на год для прохождения ценза командира сотни, чтобы иметь право быть командиром сотни юнкеров. Алексей Кириллович Греков говорил мне: «Я в уме своем составил идеал отношений офицеров и нижних чинов и считал его, как любой идеал, неосуществимым, но этот идеал я нашел в вашем полку».

Прослужив три года в полку, мой брат Филипп поступил в Академию Генерального штаба и блестяще окончил ее. Год прокомандовавши в нашем полку сотней, он дальше служил старшим адъютантом в штабе гвардейского корпуса по Генеральному штабу в Петербургском военном округе. На войне командовал полком. После войны арестован большевиками и замучен в Сибири.

Брат всегда очень строго исполнял все правила, установленные нашими военными законами.

Будучи на младшем курсе Академии Генерального штаба, он шел по улице в академию, а впереди него, шагах в десяти, шел другой офицер, армейский поручик, тоже слушатель младшего курса академии. Вошли в столовую завтракать. Столовая наполнена офицерами. Случайно сели за один стол и брат, и шедший впереди офицер. Брат говорит ему: «Сейчас я шел в академию в десяти шагах сзади вас и обратил внимание, что несколько встречных офицеров отдавали вам честь, но вы ни одному не ответили. Что это значит?» – «Я считаю это правило глупым и никому честь не отдаю». – «Но это приказ Государя Императора, чтобы офицеры приветствовали друг друга, мы не смеем не исполнять приказ Его Величества». – «А я считаю это глупостью и не исполняю». – «Посмотрел бы я, как бы вы мне не отдали честь?» – «Вам бы я непременно отдал честь, я вас боюсь и смотрю на вас, как на жандарма». Брат вспыхнул. Он стукнул кулаком по столу и на всю столовую крикнул: «Я вам сейчас по морде дам». И сейчас же вышел из столовой, в этот день больше в столовую не приходил и, что было после его ухода, не знал – ни с кем не разговаривал. Но на следующий день утром в приказе по академии прочитал, что этот офицер отчисляется из академии в свою часть.

Как я уже писал, брат Филипп, окончив Академию Генерального штаба, служил в штабе гвардейского корпуса адъютантом. Как-то я с женой был у него вечером. Напившись чаю, перешли в его кабинет, где, кроме нас и супруги брата, был еще кто-то, не помню. Брат, торопясь, набивает патроны к охотничьему ружью, разговаривает с нами и одновременно диктует приказ по корпусу пришедшему старшему писарю. В одиннадцать с половиной часов вечера прибыло заказанное такси. Брат мчится на станцию, кондуктору в вагоне приказывает непременно разбудить его на таком-то полустанке, полем и лесом идет к дому лесника, пьет там крепкий чай и идет на определенное место ждать пролета гусей.

На рассвете начинался лет. Иногда гуси налетят, но большей частью пролетят в стороне, вне выстрела, и брат идет к полустанку и с обратным поездом едет в Петербург и уже не просит кондуктора разбудить, сразу засыпает. В Петербурге его будят, он едет домой, принимает холодный душ, пьет крепкий-прекрепкий кофе и мчится в Николаевское кавалерийское училище читать лекции по тактике и военной истории. Из училища едет в штаб корпуса, делает доклад командиру корпуса, занимается делами до часу, поднимается домой обедать (квартира здесь же, в штабе корпуса) и отдыхает до трех дня. Спускается в штаб и занимается там до

вечера. На ночь опять едет на охоту и так иногда по несколько дней подряд. Я говорю: «У тебя собачья энергия». – «Да, если б эта энергия да на что-либо полезное».

Один раз поехал брат в отпуск на неделю в губернию Х., где он все время охотился с преданным ему проводником Петром. За день до отъезда нашли хорошее место для охоты, а надо уезжать. Брат протелеграфировал в штаб: «Заболел, опоздаю на три дня». Приехавши в Петербург, явился к нам в полк и всю ночь прокутил с офицерами. Утром является в штаб и его встречают словами: «Филипп Иванович, как вас потрепала лихорадка, на вас лица нет». Покончив с делами в штабе, Филипп опять приехал в полк научить молодежь: «Если опаздываете из отпуска под предлогом болезни, то, перед тем как явиться начальству, надо хорошенько надратся, и тогда, по лицу, сразу поверят, что вы действительно были больны».

Во время 1-й Великой войны я случайно встретил незнакомого офицера из штаба гвардейского корпуса. Говорю ему: «Скажите, что нового, что делается в штабе корпуса? Ведь мы впереди ничего не знаем». – «Все идет хорошо, тихо и спокойно. У нас всем заправляет подполковник Балабин. У него удивительная энергия и трудоспособность. Часто спим в одной комнате. Все засыпаем, а подполковник Балабин все сидит за столом и что-то пишет. Когда мы просыпаемся, видим, что он все пишет. «Вы что же, и спать не ложились?» – «Нет, выпался и уже на охоте побывал – вот в коридоре лежит добыча». Это мог быть убитый к обеду дикий козел или несколько тетеревов. Командир корпуса его очень ценит и без его совета ничего не делает...» Прощаясь с этим офицером, я сказал: «Спасибо за сообщение с подполковником Балабиным – это мой младший родной брат, и мне приятно было слышать о нем лестный отзыв».

Вскоре брат был назначен командиром Донского казачьего полка. В это время прибыла в полк команда пополнения и между казаками юноша доброволец Иван Петров. Брат говорит командиру сотни, к которому попал этот доброволец: «По-моему, это девица, смотрите, чтобы ничего не было скверного». Иван Петров оказался очень храбрым казаком и лез всюду, где опасность, куда можно и куда нельзя. Один раз ночью он, несмотря на запрет, отправился с двумя казаками к неприятелю «снять» заставу. Заставу они уничтожили, но сильным огнем с другого пункта был убит Петров и один казак. Перед похоронами определили, что это была действительно девица.

Когда началась революция, брат с семьей переехали в одно имение Псковской губернии, где он сделался крестьянином: пахал, сеял, косил, молотил, и, кроме преданного ему проводника, никто не знал, что он полковник Генерального штаба, а проводник его стал там главным комиссаром. Вскоре комиссару официально донесли, что живет у него не крестьянин, а офицер. Комиссар произвел строгое расследование и сделал выговор доносчику за ложный донос, но вскоре его окончательно разоблачили. Явился солдат и говорит: «Я такой-то, я был у вас в штабе младшим писарем». Брата посадили в тюрьму, грозили расстрелом, но, так как за ним ничего не было, его через месяц выпустили. Брат поехал в Псков, где поступил на небольшое жалованье учителем. Из Пскова вскоре донесли в Петроград, что появился какой-то подозрительный учитель, уж очень образованный. Брата вытребовали в Петроград, где ему пришлось сознаться, кто он и что он.

Брат поселился в своей старой квартире, где оставались его вещи и мебель.

Через несколько дней сообщают по телефону: «Филипп Иванович, вас приказано арестовать. Сами явитесь или выслать за вами конвой? С конвоем лучше, так как на улицах чернь убивает офицеров и чиновников и сбрасывает в Фонтанку или Неву». Брат решил идти без конвоя. «А это кто с вами?» – «Это прапорщик, родственник моей жены, провожает меня». – «Ну, пусть будет и он арестован».

В небольшую комнату поместили 30 человек арестованных. Не было возможности даже на пол сесть. Через сутки всех отпустили с приказанием продолжать заниматься своими служебными делами.

Потом брату предложили быть профессором Академии Генерального штаба. Брат отказался, сославшись на то, что военным делом заниматься больше не будет. Через некоторое время ему предложили читать лекции в Военно-медицинской академии по тактике. Брат согласился. Ему дали хорошую квартиру в четыре комнаты. Но вскоре арестовали всю семью – брата, его жену и дочь за участие в наступлении на Петроград генерала Юденича⁶⁸. Через некоторое время дочь выпустили, так как она доказала, что во время наступления на Петроград генерала Юденича ей было пять лет, и она никак не могла наступать на Петроград. Дочь выхлопотала освобождение матери, а вскоре и брата, доказав, что брат из Петрограда никуда не выезжал. Пришли к нему и сообщили: «Вас освобождаем и завтра же продолжайте читать лекции в Военно-медицинской академии». Но вскоре брата опять арестовали, и он успел только шепнуть дочери: «Молись святому Трифону – он спасает от нечистой силы». Так брата выпускали и арестовывали несколько раз, и он обрадовался, когда наконец ему предложили возглавить научную экспедицию на Северный полюс (точно названия не помню) с приказанием побить рекорд норвежцев, которые пробыли там один год.

Снабжена была экспедиция прекрасно – тройная палатка, печи, консервы и даже корова. Ежедневно делали там научные исследования. Чтобы разнообразить пищу, брат убил там несколько белых медведей. Одного медвежонка поймали, и мне прислана была фотография: прелестный белый медвежонок на цепи и надпись: «Маленький пленник».

У брата началась горловая чахотка. Передали об этом по беспроводному телеграфу в Петроград. На аэроплане привезли брата в госпиталь в Царское Село. В самых лучших условиях излечили его болезнь, и через два или три месяца (не помню) отвезли опять на Северный полюс.

Но через два года с лишним вся пища была съедена. За экспедицией не приезжали и пищу не привозили. Начали искать в снегах пищевые запасы, зарытые норвежцами. С трудом нашли, но не знали, что открытую банку этих очень старых консервов надо сразу съедать всю, а они из экономии съедали по полбанки, оставляя вторую половину на следующий день. Вскоре все заболели, прекратили научные исследования, и только некоторые едва могли подниматься с постели.

Москва и Петроград заволновались. Дочь брата настаивала на спасении умирающих. Нашлись добровольцы, согласившиеся ехать на Северный полюс за экспедицией. Ледокол с ними прибыл на остров Франца-Иосифа, где был центр управляющего судоходством Северного Ледовитого океана. Там добровольцы отказались ехать дальше, так как начался ледоход и можно было столкнуться с ледяной горой и погибнуть. Управляющий судоходством требовал немедленной отправки, грозя расстрелом отказывающимся ехать. Добровольцы все-таки отказываются. Тогда он выстроил всех в одну шеренгу и грозно сказал: «Кто откажется – здесь же застрелю». Подошел к правофланговому, приставил револьвер к груди: «Говори – поедешь?» – «Поеду». И так по очереди ко всем. Все согласились ехать. Доехали, на носилках перенесли больных на ледокол и благополучно привезли в Архангельск.

В Петрограде экспедиции устроили торжественную встречу и всячески прославляли. Писали, что норвежцы пробыли на полюсе год, а наша экспедиция три года. В газетах были фотографии и даже снимок охотничьего ружья брата.

Но недолго брат пробыл в Петрограде. Вскоре его командировали в Сибирь, на Колыму, разводить каких-то особенных собак. Брат подружился с туземцами, охотился, жил в палатке. Летом там жара, но зимой морозы до 60 градусов. Страшным трудом, в мерзлой земле, пришлось рыть землю и спасаться от морозов и ветров в земле. Колыма – это гиблая страна, заброшенная поистине на край света, к самому полюсу холода. Там реки скованы льдом по 8 – 9 месяцев в году и по 6 – 10 недель в году над землей висит безысходная полярная ночь. Если разыграется пурга (там она метет по многу дней без передышки), то даже привычные ко всему колымчане не отходят от изб иначе, как привязав себя веревкой, – ветер может закрутить и

унести человека, и тогда он рискует погибнуть в нескольких шагах от своего дома, не в силах найти дорогу обратно. Земля там превратилась в сплошную глыбу льда, и за короткое время летом успевает оттаять только тонким слоем сверху. Дальше на тысячи футов идет сплошной «геологический» лед – вечная мерзлота.

Примерно год прожив на Колыме, брат поехал в Петроград с докладом о работе. Его предупреждали, чтобы не ехал: там ему будет конец – но он не мог выдержать тоски и уехал. В Петрограде брата сейчас же арестовали и уже арестованного сослали в Сибирь, где замучили насмерть.

Старший брат, Николай, полковник, был арестован в Иркутске. Он год сидел в тюрьме без передач и без свиданий. Наконец жене брата сообщили, что она может взять своего мужа. Когда Николая принесли домой на носилках, жена, взглянув на него, сразу умерла от разрыва сердца. Через несколько минут умер и брат. Так дочери в несколько минут стали круглыми сиротами.

Второй брат, Владимир, есаул, служил в Болгарии садовником. Потом он переехал во Францию, где умер от воспаления легких.

Старший сын Владимира, Николай, во время 2-й Великой войны служил фельдшером в Русском корпусе в Югославии и там погиб.

Второй сын Владимира жил с отцом во Франции. Во время 2-й Великой войны немцы взяли его в Германию для работ в шахтах, где он получил туберкулез и вскоре умер.

Из всей большой семьи одного меня Господь сохранил молиться за усопших.

Но вернусь к лейб-гвардии Казачьему Его Величества полку.

Иногда полк вызывался на похороны генералов, и, в зависимости от заслуг покойного, катафалк сопровождали иногда отряды от пехоты, кавалерии и артиллерии. На похороны все выезжали в парадной форме. Младшие офицеры иногда наряжались нести ордена покойного – они шли пешком впереди катафалка. Старые казаки смеялись над молодыми, уверяя, что после похорон будут поминки по покойнику. Молодые верили, так как у нас на Дону по покойникам всегда устраивали поминки, и были, конечно, огорчены, что никаких поминок не было.

Один раз и наш полк, и Атаманский выезжали в город из казарм к месту, где лежал покойник. Наш полк в красных мундирах, на седлах красные с белым вальтрапы, а за нами Атаманский полк в голубых мундирах с голубыми вальтрапами. Это было так красиво и так ярко, что все приходили в восторг, а моя семилетняя дочь Ольга говорила: «Как маки и васильки». Этой красоты никогда не забыть. Это сказка.

Иногда полку устраивали «тревогу». Сидим спокойно за завтраком, пьем, едим. Вдруг командир полка говорит: «Тревога». Все вскакивают, бегут надевать амуницию, трубач трубит тревогу, быстро седлают лошадей, и через несколько минут полк выстроен и полковым маршем встречает своего командира. Командир полка благодарит за быстрый сбор и иногда отпускает полк, а иногда ведет его в город, и часто очень далеко. Идем в колонне по три, все офицеры по местам, дежурный по полку офицер в хвосте колонны. Вдруг крик по колонне: «Дежурный по полку, к командиру полка». Карьером скачет дежурный, обгоняя сотников. «Живо возвращайтесь в полк – расставить барьеры». Опять карьером мчится дежурный в полк – и прямо к нестроевой команде: «Бросайте работу – живо расставить барьеры». Только успели расставить, а вот и полк – и, не останавливаясь, в колонне по три, во главе с командиром полка, через все барьеры... Зычным голосом командир полка генерал-майор Новосильцев благодарит полк: «Спасибо, ребята». – «Рады стараться, Ваше превосходительство». – «Слезай – все занятия сегодня отменяются. Господа офицеры в офицерское собрание». И кутеж до поздней ночи.

«В старину живали деды веселей своих внучат».

Один раз наш полк и Атаманский неожиданно вызвали на боевую стрельбу между Петербургом и Пулковской обсерваторией. Зима, холодно, пурга. Поясные мишени в снегу почти

не видны. Руки мерзнут, стрелять трудно. И все-таки и наш полк, и Атаманский выполнили требуемые условия и получили благодарность.

Бывшие офицеры полка часто навещали полк, знакомились с молодежью, рассказывали о старой жизни, и молодым странно было слышать, когда какой-либо генерал, рассказывая, говорил: «Это было в таком-то году. Тридцать или сорок лет назад». Эти старые генералы пили с молодыми на брудершафт и старались слиться с молодежью и составлять одно целое с полком: мы лейб-казаки. Конечно, молодые офицеры, разговаривая со старыми генералами, старались не называть их на «ты», и если иногда приходилось это сказать, то всегда прибавляли: «Ты, Ваше превосходительство»...

В 1903 году я опять ездил в отпуск и все время провел на зимовнике, охотясь на прудах и в Манычи.

По приезде из отпуска меня назначили в полку заведующим оружием, нестроевыми мастерскими (столярной, шорно-седельной, швальней), хлебопекарней, приемным покоем и полковым обозом. Это считалось повышением, и кроме 60 рублей в месяц мне полагалось 8 рублей столовых. Эти девять хозяйственных должностей меня не увлекали, но пройти этот стаж было очень полезно: я основательно изучил полковое хозяйство.

6 декабря 1904 года я произведен в сотники и в 1905 году командирован в город Казань для производства очередной военно-конской переписи.

Эта командировка была для меня замечательной. До Нижнего Новгорода я доехал по железной дороге, от Нижнего до Казани пароходом по Волге. В Нижнем Новгороде до отхода парохода оставалось несколько часов, и я воспользовался этим, нанял извозчика и просил показать мне достопримечательности города. Месяц май. Сильный разлив Волги. Знаменитая Нижегородская ярмарка вся залита водой. С возвышенности, на которую меня привез извозчик, замечательный вид на Волгу. Какой-то старичок, сидевший здесь на скамейке, увидевши мой восторг, спросил: «А вы, господин офицер, вероятно, впервые на Волге?» – «Впервые и поражен красотой, величием и шириной ее. Скажите, сколько же верст вот до тех деревень с садами?» – «Сорок верст». – «Неужели так широко разливается Волга?» – «Да, каждую весну так...»

Приехавши на пристань, я просил дать мне каюту 1-го класса. Мне ответили, что каюты 1-го класса все проданы, и, видя мое огорчение, кассир прибавил: «Каюты 2-го класса так же хороши, как и 1-го, такой же салон, то же меню, и вы имеете право находиться в салоне 1-го класса. Собственно, одна каюта 1-го класса сейчас свободна, но мы не продаем ее, так как месяц назад она заказана телеграммой из Лондона. С тех пор нет никаких сведений. Через полчаса пароход отходит, если не приедут англичане, переходите в нее». Но англичане приехали. Я великолепно ехал в каюте 2-го класса. Пароход большой, красивый, везде чистота, внизу, в 3-м классе, на палубе, группа рабочих поет своеобразные волжские песни.

Берега Волги поразительно красивы. До позднего вечера я не уходил с палубы. Чудный воздух, голубое небо, чайки все время кружатся вокруг парохода, им бросают корки хлеба, и чайки ловят их на лету. Навстречу идут пароходы, барки, красавицы беляны³¹ из сложенного леса, имеющего вид домов причудливой архитектуры.

Меню прекрасное и очень дешево. На остановках я выходил на берег. На каждой остановке целый ряд торговых: продают гусей, кур, индеек, стерлядей, тарань, воблу, свежую икру и всякую всячину – и все баснословно дешево. Какое богатство, какое изобилие!

Приехали в Казань, и не хочется уходить с парохода. Не хочется расставаться с красавицей Волгой.

³¹ Беляна – сплавное, огромных размеров плоскодонное судно бярочного типа, деревянное, несмоленое. Рассчитано только на один рейс вниз по течению. Беляны строились в местах добычи леса в Верхнем Поволжье и на Каме. (Примеч. ред.)

В Казани я занял номер в отеле и явился начальству. На следующий день была «показная» перепись лошадей города Казани и распределение этих лошадей по разрядам – для кавалерии, артиллерии и обозов.

Мне поручено произвести перепись в Чебоксарском уезде, и я на следующий же день, не осматривая Казани, поспешил на Волгу и отправился в Чебоксары.

В Чебоксарах, переодевшись в вицмундир (парадного мундира с собой не брал), пошел являться к воинскому начальству. По дороге встречаю голую женщину, в одной длинной рубашке. Приняв ее за сумасшедшую, быстро перехожу на другую сторону улицы и наталкиваясь на другую такую же. Недалеко была канцелярия воинского начальника. Чебоксары небольшой городок. Являюсь. Воинский начальник, старичок подполковник, заметив мое волнение, спрашивает: «Что с вами? В чем дело?» Я ответил: «Сейчас, идя к вам, я встретил голую женщину, и, чтобы не встретиться с сумасшедшей, я быстро перешел на другую сторону улицы и опять наткнулся на голую женщину». Воинский начальник рассмеялся и сказал: «Я здесь второй год и, когда приехал сюда, также был поражен костюмом здешних женщин. Все здесь так ходят. Гимназистки старших классов в Казани ходят в форменных платьях, а приехавши на каникулы, все лето ходят в одних рубашках».

С воинским начальником мы выработали мой маршрут – в каких селах и деревнях я должен осматривать лошадей. Надо было мне прожить в Чебоксарах несколько дней, чтобы воинский начальник успел предупредить жителей уезда – какого числа и в какой пункт жители должны привести лошадей для осмотра. Расписание делали так, чтобы в тех местах, где есть хорошая охота, я мог пробыть день-два. А пока я решил поохотиться в Чебоксарах. Пошел в магазин купить порошу и дробь и там познакомился с купцом А.Я. Вязигиным, с которым сговорился ехать на охоту на следующий же день в 4 часа утра.

Чудный солнечный день 11 мая. Многоводная красавица Волга. На лодке переехали на левый ее берег и там на гривках охотились на дупелей. Я не так наслаждался охотой, как чудной природой, дивным воздухом. По Волге идут пароходы, барки, беляны, парусные лодки. Летают многочисленные чайки, в высоте чудная песнь жаворонка, токуют бекасы, изредка пролетают утки. Чудесно! И даже гребец Петр с провалившимся носом и ружьем-оглоблей не портил впечатления. В 10 часов вечера мы возвратились с охоты усталые и обгорелые от яркого весеннего солнца. Я получил полное удовольствие.

На следующий день, 12-го, с гребцом Константином ездил вниз по Волге на астраханскую мельницу. Охотиться не удалось, но видел двух огромных лосей, которые при нашем появлении с легкостью серн бросились в пруд и, переплыв его, умчались в лес. На обратном пути ночью мы попали под перекрестное движение пассажирских и буксирных пароходов и чуть не потерпели крушение. Плывая против течения, измучились ужасно и прибыли в Чебоксары только в час 14-го. В 2 часа ночи мы выехали на охоту большой компанией: я, Вязигин, два торговца, податной инспектор и гребец Костя. Охотились до 11 часов вечера, причем один из торговцев, стреляя в дупеля, попал в меня по ногам. Раны не было, но было очень больно. Еще меня ужасно искушали комары.

Всех пунктов, где я осматривал лошадей, не помню – Кугасово, Яндашево, Ямбулатово, Акулево. В селе Бичурино пошел в церковь. Служба на чувашском языке. В церкви грязь, плач 200 детей, и здесь же их кормят грудью, толкотня – все это произвело ужасное впечатление. Чуваша исключительно грязный народ. Пообедавши, они дают посуду облизать собаке и говорят: «Совсем чисто, и мыть не надо».

В селе Покровском я познакомился с писарем Николаем Алексеевичем Раевским⁶⁹, сыном священника, очень симпатичным человеком и страстным охотником. С ним я много охотился на озерах по берегу Волги. В одном болоте, уже перед вечером, приближаясь к ночлегу, я провалился и упал. Сухим осталось только ружье, приподнятое во время падения одной рукой вверх. Придя в рыбацкую избу, на берегу Волги, разделся и голым, в одной бурке, ел иде-

ально вкусную уху из стерлядей. Был голоден, и казалось, что более вкусного никогда ничего не ел... Спал на голых досках в бурке и пальто, так как белье и платье еще не высохли... Прекрасная охота, получил полное удовольствие и чувствовал себя здоровым, бодрым, сильным. Несмотря на постель из голых досок, спал великолепно.

31 мая, переплывши Волгу на большом пароме на веслах, прибыли в Паморы. После осмотра лошадей поехал в Помьялы-Кужмары. Ехали лесом 40 верст и, кроме дроздов и мелких птичек ничего не видели. Ямщик рассказывал, что в этом лесу есть медведи, много волков, которые уничтожают крестьянский скот. Много, по их словам, и лосей, лисиц, глухарей и тетеревов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.